

Claims Conference Holocaust Survivor Memoir Collection

Access to the print and/or digital copies of memoirs in this collection is made possible by USHMM on behalf of, and with the support of, the Conference on Jewish Material Claims Against Germany.

The United States Holocaust Memorial Museum Library respects the copyright and intellectual property rights associated with the materials in its collection. The Library holds the rights and permissions to put this material online. If you hold an active copyright to this work and would like to have your materials removed from the web please contact the USHMM Library by phone at 202-479-9717, or by email at digital_library@ushmm.org.

LAZAR TROYCHANSKIY

To: Jewish Family Services.

Robert and Mimi HABLUSH
Family Center

ALONG THE STEPS OF LIFE

I bring this book that I wrote about my life as a present to the people of Milwaukee. I hope that after reading you will have a better understanding about how difficult was for the older generations of people in the former Soviet Union by German occupation. I saw with my eye what the Nazis did to the Jewish people before they died more than 6 million Jews. I hope you will understand why we must, every day and all time, fight anti-Semitic people and against anti-Semitism to ensure that this never happens again.

Lazar Troychanskiy April 14 2008
USA - MILWAUKEE - 2001

*Dedicated to the present
and forthcoming
members of my family*

Author

FROM THE AUTHOR

Recently, after seven years of residence in the United States of America, I became a citizen of this remarkable and surprising country. The fact is that this country, to which I have done absolutely nothing useful, has ensured a wonderful life for me. Just a wonder, if compared with that in the Soviet Union and in Belarus. In this connection I would like very much that my descendants have an exact and complete understanding of what has caused us, elderly people, to abandon the place where our ancestors had lived and where the tombs of our relatives and close people are, the place where we were born and where we had lived, and to move in fact into the unknown. Indeed, the viewpoints of elderly people on one's flight from the USSR do not always coincide in everything with estimates of their children and grandchildren.

In order to give my children and grandchildren a complete idea about their ancestors and about their family tree, I see my duty now to tell my life, sequentially and step-by-step, to dwell about what I know about it and what remained in my memory. It is difficult to say to what extent I'll succeed, as my old memory (I am 76 now) could not have kept everything. However, on my view, what has been kept is rather a lot and not without interest for narration. I think I manage the work in a year, and the result will appear interesting and useful to my descendants.

So, good luck! May the Lord help me!

MY FAMILY TREE

January 21, 1924, when the Soviet country plunged into deep mourning for the death of the leader of proletarian revolution Vladimir Lenin, I was born. My father Khaim and my mother Khasya, I think, found themselves in a most awkward situation, when, on the one hand, they felt happy to have their firstborn, but on the other hand, they had to grieve together with all the people of the country for the loss of this outstanding person. I do not know, how they managed to mate these two contradictory emotions together, but I know for sure that during all my life in the Motherland my birthday, in order to escape any problems, was celebrated very modestly.

I arrived to this world in the town of Slutsk of the Minsk Region. It was a small town with population of a little more than 15 thousand, a considerable part of it was Jews. Slutsk was then 40 kilometers from the Polish border, the entry into the town was not free, and a special permit was needed.

Slutsk was a town of handicraftsmen. Shoemakers, tailors, carpenters, joiners, glaziers, tinsmiths and many other specialists lived and worked there. There were also some small enterprises in the town called artels (cooperatives). My grandfather on the mother's part was a blacksmith, and my grandfather on the father's part was a wheelwright. My father had mastered both these trades. He made the entire wheelwright's work, manufactured wooden elements of carts, wheels, sledges, britzkas (light carriages), etc.; and also every blacksmith's job, fettering these elements with metal.

At the time of my birth my parents lived in the house of my grandfather on the mother's part, whose name was Shleima Kezlikh. He was a religious and amazing person. With his single eye, he performed all the blacksmith's work with great skill and was considered a very good specialist. In his forge located in the courtyard, the furnace where metal was heated was burning from early morning till late at night. And all the time the knock of my grandfather's hammer was heard, and on the dressing block he made miracles from his fire-breathing metal, producing most intricate-shaped articles needed in his craft. I remembered rather vaguely his face and appearance, but till now I cannot forget the taste of the wonderful Easter wine that he made for that particular holiday and treated me with.

Grandfather Shleima died rather not an old person, somewhat in the early thirties of the last century. But I never saw my grandmother on the mother's part and know nothing about her. I only know that they had eight children, of whom only four (Neyakh, Khasya, Velvul and Riva) lived in Slutsk, and the rest of them lived somewhere else.

When I was no more than six, my parents moved to a new house built by them in Leninskaya Street (No. 8). By then, our family increased by two more members, as my brother Boris (Berele) and sister Khava (Khavale) were born. By my 11 years of age one more brother was born whose name was Motik (Motele) and all our united family went on living in that beautiful and comfortable house.

The name of my grandfather on the father's part was Moishe, and grandmother's name was Polya. It was a surprising couple. He was a tall, stumpy, bearded and very beautiful man, and she was a small, plump, sweet and also a very beautiful woman in her own way. They lived a very peaceful life, and this beautiful couple of Troichanskiys had 16 children, who were born by grandmother Polya. Ten of them did not stay in their

native city, and spread all over the country, therefore I knew only six of them (Genya, Shmol, Khaim, Isroel, Tsilya and Mousya).

Grandfather Moishe was a high-class specialist. The whole rural district knew him, and peasants regularly gave him plenty of orders. Due to them, he alone, while working very hard with high quality and without any rest, managed to maintain such a big family. I remember grandfather Moishe and grandmother Polya very well. They both died at the age of 70, and the grandfather was the first to die. After a hard working day he went to bed and never woke up. Soon grandmother Polya died also of an absurd illness (dysentery).

Perhaps, it is all I can tell about my grandfathers and grandmothers. The reason is that they died when I was 10-11 years old, and we lived separately and met rather seldom.

So, my parents were born and brought up in such united and decent working families. And it is not surprising, that my father and mother were very hardworking people and did everything possible to make the life of our family prosperous and well-to-do. Father and Mother were fond of their hearth. The house and a sizeable land plot demanded constant attention and maintenance. All the animals, namely a cow, hens, ducks, geese and pigs which were in fact our family foodstuff pantry, also required a lot of care. Four children of preschool and school age, and also the hardworking Father were in need of permanent attention and care. And my mother Khasya, a very beautiful woman with her hair then starting to get gray, managed to cope with everything. Our neighbors called her "berye" (almighty and always in time). She, our wise mum, managed to define a particular circle of homework for each child and demanded that we precisely fulfill it.

In spring and summer all of us, children, were engaged in sowing and weeding the kitchen garden, and in autumn – in harvesting, with delivery and placement of the crops in the cellar. What a fine cellar it was, with its entrance from the shed! Each vegetable had its place there, and the largest compartment was assigned for potatoes – our key food. The cellar also was used to store sugar, oil, fat, hams, butter, eggs, sausage and many other things, produced by or from our domestic animals, and also fruits and other foodstuffs. Delivery of food as required from the cellar into the house, and also stocking up of at least 25 cubic meters of fire wood annually required for cooking and heating of our house, was also among our duties.

Under the guidance of our mother we were engaged in cutting and chopping this fire wood with stacking it up in stockpiles with subsequent delivery to the places of incineration. The availability of a nice "Singer" foot-driven sewing machine and a superb skill of using it enabled our mother to dress her kids almost completely into hand-made clothes. She skillfully and systematically made the clothes that became small for one child, over into some other clothes for another, a smaller kid, thus saving a lot of money. We were pleased to wear these clothes made by her with great taste and to the then fashion.

Mother knew the desires of each child and, whenever possible, tried to satisfy them. In this connection, I want to remind one characteristic episode. Our parents knew that I liked military uniform very much and that I was going to devote my life to the service in the Red Army. So, when I was in the 9th grade, my mother made an officer-style overcoat for me to replace my old worn-out one. All our acquaintances were shocked by her skill in fulfillment of this extremely complex job.

And how proud I felt in this overcoat! Many Red Army men, especially in the evening time, took me for an officer and gave me the military salute.

Our parents loved us very much and, as far as possible, tried to create normal conditions for our learning. As early as in summer, Mother started to search text-books, to buy notebooks and other school accessories. By the beginning of the school year each of us, schoolboys, was completely "well-equipped". At the school buffet during the big break between the lessons, we, the Troichanskiys, could take everything we liked, and we were greatly pleased. But we did not know that the school barmaid, under a prior agreement with Mother, kept accounts of everything sold to us, and Mother later repaid the cost of what we had eaten.

Mother cooked very well, she knew our tastes and tried to please everybody. Even now, so many years later, once only I remember the meals cooked by her, such as stuffed fish, potato pan-cakes with goose-grease, stuffed hen's neck, dumplings from matsemel and others, my mouth waters at once. Every Easter matzoth appeared at home from somewhere, despite the fact that it was made secretly because of the religion ban in our Motherland. We all liked it, especially when spread over with chicken fat or butter.

It is necessary to add to the aforesaid, that Mother was a very active public worker. She was repeatedly elected a Deputy of the District and Town Soviets and, as far as I remember, she always was a member of the Parents' Committee at school. Mother Khasya was a wonderful person. Not many children were so lucky with their mother like we. She was worth a golden monument *inter vivo*, but I don't even have a photo of hers. Mother lived for only 42 years. Her life was tragically broken on February 8, 1943. That day fascist monsters completed liquidation of Slutsk ghetto and shot dead my dear mother, my small brother Motelc and my beauty-sister Khavele. Damned fascists! They shattered down the life of our family and deprived me of the dearest things I had. It will never be forgotten!

I'll tell in more detail about the last two years of the life of our family under the fascist boot a little later. And now, in order not to upset the sequence of narration, I'll tell about my father Khaim Troichanskiy.

My dad was a prodigy father who grew up from a prodigy child. It is not a joke. I am quite serious. After all, when still a boy he began to learn from his father Moishe (my grandfather) and already by his age of maturity he completely managed and mastered the trade of a wheelwright. At the same time, while often looking into the forge of our neighbor Shleime and helping him, he gained experience of this difficult job and became not only a blacksmith by his trade. Having married a blacksmith's daughter (my mother), he became also "a blacksmith of his own fate", wherefore one could only dream of such a wife like Khasya. They lived together a short but a nice life for those days.

Father liked both his trades, and he managed them masterly. But for some reason it seemed to me, that he still liked his forge business more. He made his work quickly, with high quality and always in due time. All "balagols" (wagoners) of the town and all the peasants of the neighboring villages knew Khaim Troichanskiy as a fine worker and were permanently enjoying his services. I remember how beautifully he shoed horses. He made this complicated job as if it was a child's play. And how skillful he was in binding wheels with metal, while many other blacksmiths could not do this job at all! In a word, he was a specialist of superior skills. And it was not incidental, that to a question about his trade he usually answered, "I'm a professor." And in response to a bewildered look of

those who asked, he gave a calm clarification, "Yes, I'm a professor of my business." Later, when working in the artel (cooperative), he willingly handed over his experience to his colleagues. His management talents were soon remarked, and he was appointed to the position of a production manager of the "Krasny Metallist" (Red Metal Worker) artel, the position was equal to the position of the chief engineer at a state-owned enterprise. In this high position Father who even had no secondary education, kept working till the very fascist invasion.

Father was adored by everyone, whom he met. And this adoration helped our family to survive through the hard hungry thirtieth, when peasants helped Father with high-caloric food products, so necessary to support his physical power. During the awful years of occupation, those very peasants and many Russian wagoners of the town, knowing about half-starved existence of the Jews, in different, sometimes life-threatening ways, helped Father with food products and money.

Father naturally adored us children. At the same time he felt very painful, and occasionally indignant, when we got bad marks at school. He demanded our diligent study and dreamed to see each of his children, by his own expression, to be a "scientist", not a worker. "My brothers, sisters and I had no chance to learn, but you have it," he often told us.

And we all, following our Father's legacy, studied diligently. He also thought that we should be physically strong, and demanded that we go in for sports. And each of us made our workouts with pleasure.

Father worked very much and had to eat very well in order to replenish his strength. His appetite was excellent, but at the same time he liked to have a drink of vodka before meal. Mother used to scold him for that. In order to escape her lamming, when going home from work, he frequently visited a kiosk, where he drank a glass (or maybe more) of alcohol and went further home to have his lunch or dinner. He liked lard very much, since it restored his power. He could eat lard three times a day, and in different kinds: fresh, salted, fried, or roasted with onion or eggs. He adored boiled potatoes, flour or potato pan cakes, which he liked to dip when eating into the pan with roasted lard. All of us liked these dishes very much too, and often asked Mother to cook the meals that Father liked so much. If he had some free time, Father cooked "his" meals himself and, one should confess, he did it not worse than Mother.

Father was smoking, and he smoked quite a lot. His favorite cigarettes were "Belomorkanal" made by the Uritsky Factory, which he bought in plenty. Knowing that boys reach for smoking, which is a cause of all kinds of troubles, he took an ingenious decision. He provided his children with a free access to cigarettes, knowing that forbidden fruit is always sweet. Each time lighting up to smoke, Father took one cigarette from one of many open packs, as if giving us children a possibility to take cigarettes from any of the packs, knowing, nobody would ever find out. Just for this very reason and knowing about the harm of smoking, we were at all indifferent to cigarettes. We (Boris and me) started smoking only during the war.

For many people, known and unknown, my father Khaim rendered material help and other assistance; he also helped with a kind word and advice. And people responded him in kind. He was a man of kindest soul.

IN THE FAMILY BOSOM (TILL MID-1941)

I shall tell quite a lot more about Father during my further narration. Now I want to tell about the children of Mother Khasya and Father Khaim, the best parents in the world. There were four of us: three boys and a girl. And each had his or her own destiny.

The smallest and, naturally, the most loved one in our family was my smaller brother Motele. He was a quiet, clever and lively boy, who was interested in everything. By the age of five years he could freely read and know the beginnings of arithmetic. He knew the names of all Father's working tools and willingly helped Mother in housekeeping. He did not attend the kindergarten, and Mother was bringing him up by herself. Father often took him to work, and Motik had enough time during the day to visit all the shops of Father's enterprise. Especially he liked the wheel-making shop, as everything was familiar to him there. Workers liked him and allowed to take the tools and showed him how to use them. There, some time later, he learned to work with the tools. Father was near Motik when needed, and in every possible way rendered him the necessary help.

By his six years he manufactured his first "drabinki". It was a small four-wheeled cart with side protection boards and steered front axle. In essence, it was an ordinary cart in miniature. Its wooden part was made mainly by small hands of my brother, and only metal fettering was made by Daddy not without "help" of Motik. It was a cart that surprised the neighbors and acquaintances with its design and skill of manufacture. The cart was a family pride. It could easily accommodate some 150-200 kilograms of cargo. When Mother went to the marketplace to make shopping, Motik was always near her with his cart. The passers-by very often stopped and examined the surprising creation with delight.

At the same time my brother, while being a child, played with pleasure with his coevals and liked very much everything what other small children usually like. He learned to swim early and liked to bathe in all kinds of water pools.

Could anybody ever imagine or think that the life of this surprising boy, our favorite Motele would suddenly cut short in the age of eight years, when fascist monsters murdered him? Damnation!

The same fate was shared by my only sister Khavele who was only 13 years old. Khavele was born the third into our family. Already from her very birth, according to my parents, she was a surprising plump human being with black hair and brown eyes. She went neither to nursery, nor to kindergarten, since Mother was completely engaged in her. They were an inseparable couple. To someone's cry "Khavele!" Mother's answer always followed, "She's here." She went to school nicely prepared. She knew the alphabet, could put syllables into words, counted a little and drew. Khavele was a stickler for cleanliness and cared a lot about her clothes and appearance. Mother indulged her in every possible way and contented all her whims. She liked music and sang her favorite songs very well. Khavele got very interested in painting and knew many pictures of famous artists.

My sister studied very well, she brought home only excellent and good marks. Our parents, Father especially, often praised her for that. She liked very much to be praised! She had many friends, boys mostly. Khavele liked books very much and was an active reader at the school library. She was a very beautiful girl with a fine figure and she

was proud of it. Sometimes she reasoned like an adult, although by the beginning of the war she had finished only her fifth grade. In a word, she lived a normal life of a young lady and dreamed a lot about the future. Sometimes she would like to become a dressmaker, sometimes – a doctor. But all the dreams got ruined like a house of cards when Slutsk was seized by Germans. However, the details will come in my further narration.

Now I want to tell about my brother Berele (Boris), who was born only 18 months after me. It is a small age gap, so our parents treated us as boys-coevals and applied the same methods of upbringing. We played various children's games together; for some period of time we went together to the same kindergarten; as they say, we were fed from one stock, and so on and so forth. We loved and protected each other very much. My only advantage was that all new clothes and footwear were given first to me, and all the worn-out or re-cut stuff – to my brother. We were of equal height, but I was much more solid. I had black curly hair, and Boris – light, straight hair. I looked a typical Jewish boy, but he didn't. This difference remained in adult age. Each of us from his very small age had to make certain household works, many of which were permanent and required our joint labor. In the course of growing up, each of us acquired his own friends and interests. Sometimes it led to conflict situations, which after verbal squabbles could develop into fisticuffs which then required interferences of the parents.

By his seven years of age, Boris was enrolled to study at the Russian-language school. By then, I already studied in the second grade of the Jewish school. I do not know, what were our parents' reasons of sending their children to study at different schools. It's quite possible that it was a consequence of aggravation of our relationships and mutual misunderstanding. It is possible also, that our parents understood the hopelessness of graduation from a Jewish high school when the country had no higher educational establishments where teaching was in the Yiddish language.

Boris studied very well. He was very much interested in equipment and various kinds of machinery. When he got to have something of the sort, he thoroughly studied every part of it and got satisfied only when understood, why and how it worked. This feature predetermined his further destiny.

When Boris finished his seventh form, at the family council it was decided that it would be better for him to continue studies not at the high comprehensive school, but at some technical college. For this purpose Boris chose the Electrotechnical College located in the city of Minsk. He thought that it would be the right place for him where to obtain a speciality that interested him. Later, after having successfully passed his entrance examinations, Boris became a student there, and our whole family was very happy of the fact. At the same time our parents were disappointed that further education of their son would take place far from home and without their supervision. By the beginning of Boris' studies, our parents had tried their best wonderfully well. Everything necessary for the lessons was bought, from pencils to a briefcase. The underwear and outer clothes were purchased, and also boots and sports shoes. Mother made a fine suit for him, which was quite a sensation, as we, elder children, had never before dressed into suits. The tall Boris looked quite a young dandy in his new suit and boots.

The whole family went to see my brother off to the railway station, and Mother went to Minsk together with him. She was very much worried by her son's departure, as for the first time her child had to live and study for a long time in an unknown city. They

had to decide where Boris would live, where and how he would eat, where he would get his text-books, bed-clothes, who would take care of him and many-many other things. After several days of joint presence of Mother and her son in Minsk, the majority of the arisen problems were resolved. There, in Minsk, the obstinacy of my brother was visually exhibited. While having a possibility to get settled for the period of his study in the apartment of uncle Yudul (Mother's brother), he refused to do that. And all the arguments of Mother and uncle in favor of such decision had no effect on him. At his age of 13, he persisted and went to live at the hostel of his technical school.

Having accommodated his son at the hostel and having solved all other problems concerning his study, Mother soon returned home. Her brother Yudul promised to look after the nephew and, one should state, did it very honestly. He not only looked after his nephew, but also helped him when necessary. Thus, for example, during a severe and hard winter of 1939-1940 he has presented Boris with an expensive foreign-made short fur coat, which was just in time, and of which my brother was very much proud.

The brother's departure was very painful to all of us. But people get accustomed to everything, and we were no exception. All the more that Boris came to see us periodically. It usually happened once every two weeks for one day (Sunday), when there were no lessons in the technical school. Our whole family was waiting for these days with impatience. But real holidays for all of us were vacations between semesters and between courses, when Boris came home and we were together for a long time.

Mother also practiced "inspection" trips to Minsk, at the same time bringing home-made food to her son, which he loved a lot. Sometimes Mother took some of us children with her. These were joyful events. Trips to Minsk enabled us not only to see the brother once again, but also to get acquainted with the sights of this beautiful large city, the capital of Belarus.

Boris liked very much his technical school and studied with great desire. In the process of accumulating the knowledge, his thrust for machinery increased, and Mother at his request was permanently engaged in searching of some books he would like to have. My brother was maturing very quickly.

Boris' health was excellent, and during his time free of lessons he actively went in for sports, and passionately liked soccer. He started to improve his fitness from preschool age, when he tried to demonstrate his superiority over his elder brother. He liked very much to compete with me, for example, in who of us could walk longer barefoot on snow in winter, or who could ride longer our "dammed" bicycle, in which the saddle was too high for children, and the frame did not give an opportunity ever to sit in it. It was a "Kharkov" model bicycle for adults, which father won in a lottery. After each such victory over me Boris was in delight.

All was taking place safely, both with my brother, and in our family. By summer in 1941 brother Boris was finishing his second year of the technical school, my brother Motele was being prepared for school, my sister Khavele was finishing her fifth form, and I was getting ready to take my exams for the tenth form and to receive my certificate on the secondary education. Father worked as production manager at his artel, and Mother was busy housekeeping, raising her children and working for the community. And who could ever think, that it all would break all of a sudden, and a terrible time would come for the whole our family and for its every individual member?

Prior to continue my further narration, I think it necessary to make a small, but extremely important digression. Everything told by me above is an absolute truth. The truth restored by my memory, by the memory of the member of our large and united family. I was a witness and a victim of that terrible tragedy that took place with our family as a result of occupation of our native town of Slutsk by German-fascist butchers. Unfortunately, I have no other information. I even do not have a photo of our family or its members. Everything we had was burned down or ruined during that terrible war of 1941-1945, which was named the Great Patriotic War. It is probable that if I had any, I could have restored some of the forgotten events of those years. But I have nothing. Therefore, all the hope is on my memory and on the objectivity of presentation of what had happened.

During my narration about the life of our family in the pre-war time, I occasionally told something about myself. However, prior to go on telling about the awful destiny of our family, I must tell in more detail about myself. My boyish life was the same as of many other children. At the age of seven my parents took me to the first form of the Jewish school. Why of the Jewish school – I don't understand until today. I liked the school in which I studied very much. Excellent teachers worked there, who knew their business deeply and thoroughly. For some reason it was easy for me to learn there, and I got excellent marks almost in all the subjects. The knowledge obtained there helped me quite a lot in my later life.

After the sixth form for my excellent study and good behavior I was awarded with a charge-free tour along the river Dnepr with visiting the cities of Kiev, Dnepropetrovsk, Dneprodzerzhinsk and the "Dneproges" Power Plant. It was my first independent trip (although in a group) this far away from my native town. I had quite a lot to tell about what I saw, heard and learnt. We traveled down the river for many hundreds kilometers in a comfortable ship especially intended for tourism. We visited giant industrial enterprises and I was very proud of it. Having visited the greatest hydropower plant in our country, we admired this ingenious creation of human thought and human hands.

We were struck by the beauty and majesty of the city of Kiev – the capital of Ukraine. Its streets and public gardens, parks and flower greenhouses, historical monuments and museums and many other things have literally struck and impressed us. And the Pecherskaya Lavra (monastery) with its relics and underground passes, which I was happy to visit, remained in my memory for the rest of my life.

In this city a rather sad episode took place with me. When in a tram, I put my head out of the window, and the wind took off and blew away my new tjubeteika (skull-cap). I was greatly upset with the loss, as the skull-cap was presented to me by my parents as an award for successful termination of the school year. When back at home, I told my parents about what had happened, they did nothing but scold me tenderly, "Try not to be a gawk next time."

By the beginning of the new school year it became known, that Jewish schools would be closed in the coming two years, and the children were allowed to move to any Russian or Belarusian school with preservation of the level of the education already obtained. My parents got rather nervous when they learned the news. Same was I, as I was then finishing the seventh form, and it was necessary to determine to what school to move, taking into account better language skills. Under any alternative, I was to face huge trials: new classmates, new teachers, new subjects and the need to study them not in

the Jewish, but in one of two possible other languages. Having listened to a lot of advice and having weighed up my capabilities and knowledge, I finally made a move, after having finished the seventh form of the Jewish school, into the eighth form of the 5th Russian secondary school of Slutsk.

Rather hard times started for me. While earlier studies were easy to me, now in a new school I had to spend twice (or even thrice) as much time to make my homework in any subject. In fact, I had no free time. My parents saw all that and liberated me of my household duties which I had performed. "Perseverance wins", runs one of Russian proverbs. It was just what happened with me too. I finished my eighth form without any "threes" (satisfactory marks) and was ranked among the best pupils of the school.

Having moved from one school to another and having confronted and overcome my hardships, I got quickly grown-up and matured. It was during those particular days that I started to think about my future. Thoughts about what I would become after finishing my high school when I got my school-leaving certificate did not leave me for a minute. Occasionally it seemed to me, that I would like to be an engineer, for which purpose I would go to an institute, and occasionally I started to dream to be a professional soldier after having graduated from a military college. Sometimes a desire appeared to master at least one trade of my grandfathers and Father, for what purpose there was no need to leave the native home. But in this case I was sure, that neither Mother, nor Father would ever approve my decision. There were also other ideas, so that my mind was in complete confusion. The only consolation was that much time was still left till my graduation from school, and I could have decided what to be and where to study by then. To my greatest surprise this complicated problem got settled unexpectedly easy and rather simply. But I am going to tell all that in due order.

The situation in the world got by then considerably aggravated by the aggressive policy of Hitlerite Germany. They seized one country after another, without meeting any serious resistance. England and France got involved into the war, and France was easily swallowed by the German fascist state. It forced our country to take titanic efforts to improve its defensive capabilities. Without enumerating all the measures undertaken in this connection, I would like to name at least some of them. Thus, in high classes of secondary educational institutions a new subject appeared which we called "voyenka" (military training), where boys were trained in military skills. At higher educational institutions military departments were opened, where students underwent a course of special military training. And military colleges and academies increased considerably in their number and expanded enrollment of cadets in response to the growing demand for officers. Responsibility for ensuring this additional take-in of cadets was imposed on the district and city (town) military commissariats. These three measures undertaken by the country, had unexpectedly, clearly and completely defined my future.

It all started in the ninth form, when a new subject appeared in the time-table of our lessons, which we didn't know earlier. It was taught by professional officer Major Shnak (I remember this surname), who introduced the strictest discipline and demanded clear execution of all the orders he gave. Periodically, Major Shnak submitted to the military commissariat lists of names of potential candidates into cadets of military colleges.

In the beginning of my tenth form I was invited to the town military commissariat where I got registered as a potential serviceman. During the conversation there I was

offered to enter a military school. And, with a reference to the Soviet patriotism and responsibility of the Young Communist League (Komsomol) members to defend our Motherlands, the offer sounded more like an order. Since the call-up age was 18, and I was then a little over 16, I promised to think it over and tell my decision later.

I would palter to say that I disliked the offer. Since my young years I liked military parades, military uniform, military machines, military salutations and many other things related to the army service. Therefore, to become a professional soldier was one of my many other desires in selecting my future profession.

And suddenly, on the eve of examinations for the school-leaving certificate, somewhat at the end of May 1941 (I do not remember the exact date), I was promptly called up to the military commissariat, where I was handed the travel documents to Leningrad to take my entrance examinations to the Leningrad School of Instrumental Reconnaissance of Anti-aircraft Artillery (LUIRZA). And in answer to my puzzled question, "And what about my school-leaving certificate, and how should I enter the military school without it?" an imperturbable answer followed, "Everything is ensured." And it really was. To be able to take my examinations, I was given a temporary certificate on school graduation, and in relation to my school diploma I was told that under agreement with the school it would be granted to me without any examinations after my return after enrollment into the military school.

Reaction of my parents to what had happened with me was ambiguous. In fact, to become a professional soldier in future was in accord with their son's desire, and studying at the military school relieved a lot of parents' worries. A soothing fact was also that being an officer at the Red Army was an honorary and financially safe profession. At the same time, a restless situation in the world caused worries for their son. For me it became clear, that my future was predetermined, and my entering the military school meant dotting all the i's.

Some days later I was leaving for Leningrad. My whole family, some teachers, coevals and friends came to see me off. At the railway station we saw that about a dozen of other town's secondary school graduates were leaving for the glorious city to take their exams to various military schools. In order to escape any possible misunderstandings, an official of the military commissariat also arrived to the station to see us off.

The train arrived in Leningrad precisely on the schedule. One of passers-by explained me in detail how to get to the military school. Having safely reached the place of my future training, I reported to the officer on duty about my arrival, and the wheel started to spin over.

Without getting too deep into details, I want only to mention that excellent conditions were afforded for the newcomers. It concerned the regimes of nourishment, rest, preparatory training, examinations and free time. Strong order was felt in everything. My health was excellent, and I passed my medical examination quite easily, as they say, without a hitch. I had to take four examinations; at least three days were afforded to get ready to each of them. Having benefited from this advantage, I passed all my entrance exams to the excellent mark.

Prior to sign an order about our enrollment as cadets, the commander of the school had to interview each of the entrants. Same was with me. I went to the interview being absolutely sure, that everything would be OK. At the beginning of our talk, the commander of the school paid attention that I had problems with pronouncing the sound

[r]. And it sounded to me like a bolt from the blue. Nobody had ever told me about it before, and speaking frankly, I got frightened, having thought, that this unfortunate [r], so often used in the army language, would become a hinder to my entry to the school. But, thanks to God, I was mistaken. We had a very friendly talk, and the commander congratulated me with the entry to the school and expressed hope that I would become a good cadet and officer. Having thanked the commander for his kind words and wishes, I assured him that I should make everything possible to make his hopes come true. After that I at once called up my parents in Slutsk and told them, that their son had become a cadet of the Leningrad Military School, and they could be proud of him. Having listened to their congratulations and kind wishes that came in response, I asked about the date of the graduation school party, and they told me that the date was June 19. From then on all my thoughts and actions were aimed at being in time for that celebratory ball. I received, as far as it was possible, my return (to Slutsk and back) travel documents and a prescription to be for sure back to the school as a cadet by September 1. Having presented my travel papers to the military cash department at the station, I was lucky to bypass enormous queues to other cash departments, received my ticket and by the next morning I arrived to my native Slutsk. It was June 18, 1941.

My parents were not informed about the time of my arrival, that is why I had to walk for more than an hour to my home from the station under a shower. But my unexpected arrival was given a worthy welcome. I was not at home for more than two weeks, and my parents were nervous about me all this time. So was I either. And my award was that I managed to return home in a new quality – as a cadet of the military school. While my classmates still had to find their place in life.

At my parents' request I had to report on every day that I had lived away from them, and to give all the details. During the whole day our house was visited by close acquaintances, relatives and friends. All of them congratulated me with my entry to the school and asked a lot of questions. I was also greeted by a group of coevals, who literally dragged me out of home. From them I learned about all the details of the next day, that my school-leaving certificate had already been written out, about what would take place at the party, and about many other things. And whether I was right or wrong having got involved into army life, I had to listen to many opinions, but basically everybody had approved my determination in selection of the profession.

I returned home late at night and having finally found myself in my bed after so many events of the day, I fell deep asleep. I woke up very late, and after a copious breakfast that included my favorite dishes all the family helped me to get ready for the coming celebration. It turned out that, while I was in Leningrad, my parents bought a suit for me on the occasion of graduation from the high school. It was the first ready-made suit in my life. In that black suit, white shirt with a tie and in sound footwear I looked quite decent.

Mother got up early in the morning and managed to bake a large fancy cake, and Motele and Khavale made a huge bouquet out of flowers that they were growing. Father came home earlier on the occasion of the coming party and started to prepare himself to the event. A telegram came from Boris, in which he congratulated me on two significant events: on my graduation from the high school and entrance to the military school.

In the evening my nicely dressed-up parents and myself, the cake and the bouquet with us, left for the school. At its entrance door we were hospitably met by the door

attendant, and in the lobby a wind orchestra was playing. In the gym tables were laid, and Mother handed over the cake there. When we went upstairs to the second level, we found ourselves in the conference hall, where everything was ready for the celebration.

The solemn party dedicated to awarding the school-leaving certificates to the graduates

of the 5th high school of Slutsk was opened by its director. He thanked us for good study, congratulated on successful completion of the school and wished each of us to settle properly in life. Kind words and wishes were expressed by all the speakers, and each teacher praised somebody of us in person. And military teacher Shnak praised me for the correctly taken decision to dedicate my life to defense of Motherland and appealed to young people, its future defenders, to make the same.

After the presentations, the solemn ceremony began. Each graduate was invited to the podium, where he or she was very warmly congratulated on the occasion of leaving school and, with the flourish of the military wind orchestra, was handed his or her school-leaving certificate.

When the official part of the party was over, we moved to the gym and started the best dinner we ever had in our life, listening to and pronouncing fine toasts and dancing to the sounds of the same orchestra. That party which I remembered to the rest of my life went on and on till the very dawn of June 20.

So many kind words, declarations of love, promises and assurances were told to each other during that evening! So much laughter and fun! In a word, the party was a huge success, and after it each of us felt him- or herself to be an adult and personally accountable for his or her destiny. And each of us was confident that bright future was awaiting him or her in our beautiful country.

The subsequent two days passed as in a dream. At first, in a natural sleep after the party, and then -- a complete mess: meeting friends, riding bicycles to green areas, bathing in the river, walking in the park, helping parents at home, etc. The time came when we had a heavy burden off our shoulders, and summer vacations and rest were in front of us.

In order to have all the aforesaid and everything set forth below understood properly, one should have a clear presentation about the country in which we lived. And one should not also forget that it all happened more than sixty years ago, when the living standards were completely different. In those days in our Motherland even a wireless was a luxury. It was possible to get any information on the events, taking place in the world, and any news only from the loud-speakers installed in houses and in the streets. And in the majority of cases this information was distorted, false or unclear, since it was sorted by the propaganda machinery of the country or underwent strictest censorial control.

Same was with the printed media, the press. All the newspapers published, starting from the national ones and down to regional papers, remained under the vigilant eye of the state. Articles disliked by the authorities were never allowed, and in case such an issue appeared, its circulation was completely confiscated, and the author or editor got severely punished.

Only big bosses and the "selected" ones had telephones at home. Long-distance calls were made from telephone exchanges, where both parties had to appear in person,

and the addressee was notified by a telegram about the coming telephone talk. All these talks were completely tapped.

We were not allowed to exchange mail and telegrams with citizens of other countries, as certain countries were under a complete ban, and any links with other ones were under the strictest control.

Ordinary Soviet people who had to live in such conditions were in fact cut off away from the rest of the world, they never knew and understood what was happening there.

In the movies that were put on screen in that far-away time they persuaded us that in our country one record beats another; that our socialist industry produces goods which are by many parameters superior to those manufactured in capitalist countries; that there is nothing better in the world than the collective-farm agricultural economy; that our armed forces are the strongest and able to defeat the armies of the whole world; and many other things beyond any criticism. But we piously believed in all that stuff and were confident that the information they were presenting to us was absolutely precise and truthful, and that we live in the best country in the world with the most powerful army potential. And how could we not believe, when the songs coming from movie screens contained such lines, for example:

Our armor is strong and our tanks are fast,
And our people are full of bravery.
Soviet tankmen stand close at attention,
They are sons of their Great Motherland.

With fire-thundering and sparkling with steel luster,
Our tanks will launch a furious campaign,
When comrade Stalin sends us into combat,
And the first marshal leads us to battle.

Or another song:

Still higher, and higher and higher
We aim the flight of our auks,
And each propeller is breathing
With calmness of our borders.

The country was saturated with the spirit of Soviet patriotism. And, knowing about the alarming situation in the world, that war was in the air, everybody thought, that it was all abroad, that it had no relation to us, and once we got involved -- it would all end OK.

And now, once you have some idea of what our life in the Soviet Union was in those years, I am going to continue my story with a hope, that you will be able to understand and realize what has happened more completely and correctly.

BETWEEN LIFE AND DEATH **(1941 - 1945)**

On Saturday, after numerous meetings with my school friends and with their parents who tried to fish out of me any possible difficulties their kids would meet if they

follow my choice in life, I finally got home. It was late at night, when all my family were already asleep. Trying not to wake them up, I quietly went to bed and fell asleep at once. My sleep was so deep that I even did not hear three powerful explosions which thundered at dawn somewhere far from home and a strong roar of airplanes which flew above the house. My parents told me about it, indignant of those servicemen who were training at night and preventing the people from a quiet sleep.

Having made my morning toilet and after breakfast, I went to meet a friend of mine. We were to meet on the beach and spend the coming June sunny day close to water, bathing and tanning. As I had a lot of spare time, I moved slowly, looking from side to side towards the appointment. The life around went in its due course. That Sunday peasants, as the custom was, brought foodstuffs and poultry to the marketplace, so that having sold them to buy everything they need for life. The fact was that collective got their earnings in kind, that is by products they were growing, and not a kopeck in money. And in the opposite direction, from the marketplace, happy buyers of fresh and tasty products were moving. A small group of soldiers marched by which was quite normal for our town, where several military units were deployed. But it was a complete mystery why on the height of a former Jewish cemetery, not far from the place of our appointment, three antiaircraft installations appeared. It was also not clear, where two cavalymen rushed at a gallop.

While reflecting about what I had seen, I overlooked the moment when five airplanes appeared in the sky, three of them were our fighters, and two – some strangers marked with white crosses. While maneuvering at high speed and making incredible steep turns, they were shooting each other. It was a real air fight with hostile airplanes. It ended very quickly, when our two fighters caught fire and went down on the ground, while the third one started landing, all covered with smoke. I was shocked by what I saw, forgot even about the meeting I went to, and rushed home.

At home nobody expected me to come so early. To their question, "What has happened?" I told about the air fight I saw and about strange behavior of the military peoples. And when I learnt from the parents, that bombs had been dropped at night on the military campus, whose explosions we took for practice shooting, I understood that the war had reached our country. It was strange, why there was no message from our government. And it was only eight hours after the war started, that Molotov, the Minister of Foreign Affairs of the USSR, announced in his presentation on the radio, to the Soviet people about the treacherous attack of Germany on the Soviet Union and declared, that, despite the suddenness of the attack, the enemy would be thrown away, defeated and destroyed. It was 12 a. m., Sunday, June 22, 1941.

Having listened to that broadcast, I was all in anger. In anger with the Germans who had forced us into the war, and in anger with our government who informed its people about the start of the war so many hours after. As a result of this late news many servicemen and peaceful citizens were killed and injured only because they didn't know that the war had begun. It was more than two hours earlier, that I saw with my own eyes the death of the crews of three Soviet fighters who were suddenly attacked and brought down by fascist airplanes. At least, it seemed to me that way. And if not so, how could it happen that two enemy airplanes, without getting any damage, brought down three Soviet fighters, who were considered, by definition of our government, the strongest in the world?!

After what we heard by radio, my parents looked fell at once, apparently not understanding and not knowing what to do in the given situation. I began to becalm them, assuring that our powerful armed forces would make short work with German troops, and everything would be back as before. It seemed to me they got calmed them a little. Although I could hardly believe it myself for some reason. But I clearly understood that for me, who was not subject to call-up to the Red Army, but who was at the same time nominally a cadet of the military school, a time of much trouble arrived. Time, when you do not know what to do and to whom to address for help or advice.

Upon long deliberation I understood, that only at the town military commissariat they could give me a reasonable explanation and indicate the place, destined for me in this time so hard for the country. On my way to the military commissariat I met a good acquaintance of me, who exclaimed, having learned where and what for I was going, "Why, don't you know?!! The military commissariat was bombed out at night". It's difficult to render my reaction to what I heard, but you can easily imagine it. And thoughts about what I should do at war conditions, and where my place was during this time of trouble, did not leave me for a single minute.

Despite the apparent calmness, much more people appeared in the streets of the town, than usually, in whose faces anxiety and alert could be read. It was apparent, that the news about the war had alarmed not only our family.

The rest of this first awful day of the war and the following night passed without any excesses for the town. At the same time, the absence of any governmental messages about military actions on the front caused rumors which were completely discordant. Some of them ran that the Germans had been already pushed off our land, and the war moved to their territory, but others stated that Germans were successfully advancing deep into our country meeting no serious resistance. Our family was confident that Germany was duly repulsed, and as to rumors about seizure of our territories by the Germans, they were just provocative. It could not ever be that our country which possessed the best armed forces in the world had admitted it.

Despite the war, the town lived its usual life. Enterprises and institutions worked under their usual schedules. A worrying fact was that citizens began energetically stocking such products like, as sugar, salt, soap, dried bread, kerosene and others, as a result of which the shelves of the shops got notably emptied. And towards the end of the day a rumor spread, that in the streets of the town a lot of young lieutenants appeared, dressed in new uniform and with new equipment, in this connection a natural question arose, "What does it mean?" At night in the town, for the first time from the beginning of the war, single shots and bursts of sub-machine gun fire were heard, and in the morning it became known, that it was skirmish between patrols and those young lieutenants who were in fact masked German spies.

It became known from somewhere that Minsk was heavily bombed at night by German airplanes. This news alarmed our family very much. Our Boris studied in Minsk, and we knew nothing about him since the beginning of the war. Mother, having learned about the bombardment, kept rushing about the house in a nervous shock and lamented, "How is our Berele there, what has happened to him?!!"

First refugees appeared in the town, to be more correct – women refugees, wives and children of officers from frontier regions. With their appearance our knowledge about what was taking place at the front, about the battle-ground, about our losses, etc.

became no better. Probably afraid of punishment for disclosure of some military secrets, they either kept complete silence or gave vague answers to our questions. One thing was clear: the war is in our territory, and Germans are advancing deeper and deeper into the country.

Being ready to go to bed, we, the adults, started to talk for the first time about a possible evacuation into the depth of the country. On the eve, rumors started to appear about secret evacuation of the families of the administrative management of the town. And then, on the fourth day of the war, Khavcle and Motele saw with their own eyes how quietly and imperceptibly for a stranger's eye the family of the town's militia commander, who lived next door to us, were moving away from town. Each of us expressed his or her point of view on the problem. Having listened to us, Father said, that evacuation is out of question, as there are no direction of town's authorities about it. Any self-willed departure will entail work miss, and under then existing laws even being late to work for a couple of minutes entailed imprisonment. "It's what concerns me", - Father said. What concerned the family, for our safety he would not object to send us deeper into the country, but the railway and motor transport was at disposal of the military people only. Therefore he needed some time to think over about the way it could be done. At the same time he reminded us, that Slutsk was about 300 kilometers away from the border, which by itself should seem a reliable home front for all of us.

In the morning of June 26 in region of Russian cemetery some German troops landed, and a small group of our soldiers went into fierce combat with them. Soon two small enemy airplanes joined the battle, and started to shot our soldier dead methodically from a small altitude. The troops landing and the view of German airplanes, who had furiously and with impunity dealt with a handful of Motherland defenders, disturbed our souls with a new force. And when some hours later the sky was full of German airplanes, who started bombing town districts, and the enemy's artillery launched ruthless fire on the town from far away, we understood that we got in a trap and it was necessary, as soon as possible, to do something to save our lives. Immediately we abandoned our hearth and ran towards dense bushes in the town's outskirts, thinking naively, that nobody would notice us there and it would be possible to wait till the shelling of the town was over.

Hardly could we come to our senses from what we had seen, heard and lived through, a rising roar of motors was heard from the side of the collective farm's field. Having closely peered in, I nearly lost my gift of speech. Away from us along a country road, raising piles of dust, a column of motorcyclists and tanks accompanied by airplanes was approaching the town without fire. Our fighter that suddenly appeared from somewhere was instantly brought down. Soon all those awesome hostile machines and equipment rained down a squall of fire and entered the burning town and our souls got split into pieces from what we had seen.

A little time passed, and the fire in city almost stopped. But in the sky German fighters begun to rage. They gunned everybody and everything. Several airplanes at hedge-hopping flight appeared above our bushes and opened, from their second approach, a furious fire on the bushes. It seemed to us, that the end of the world had come, as those awful raids went on very long.

After the first aircraft raids it became clear, that we were not alone hiding in the bushes. And those whose nerves got broken began to run out of the bushes in the

direction of the collective-farm field. In my deep belief, this circumstance saved our lives.

As soon as the German pilots saw the people tossing about, they began a real hunt on each of them. But those were just civilians, people of various ages, from babies to very old persons. It was impossible to imagine what was taking place there, as the result of that air hunting was awful: a lot of shot dead, injured, begging for help shouting, tossing about, sending damnation and even insane people. Nobody helped each other; everybody was in a deep shock. For the first time in my life I saw so close to me people, who were killed and wounded at war, especially in such a brutal way and in such plenty.

Having completed this dreadful piracy and having made a farewell fly-around over the bushes, while going on to send down their intense fire of deadly metal, the airplanes flew away. We understood that this time the fate was merciful to us, and at the same time each of us bemoaned his or her destiny.

It was June 26, 1941, it was just the fifth day of the war, but the Germans had already seized our native Slutsk, which was located hundreds kilometers away from the Soviet-German border. Was it a terrible dream? And if not – who was to blame?

Meanwhile, the life demanded some urgent decisions, as twilight set in and we had to go somewhere away from the bushes. It would be the greatest nonsense to stay where we were without food, water and clothes. But we started to return back to town which was seized by Germans who had already exposed their brutal appearance.

It was also not clear to us whether our house or at least part of the hearth had survived such fierce shelling and subsequent fire. The decision unexpectedly came by itself, when we suddenly saw a group of people, also refugees, who were moving towards the town. And we understood that to return home was the only thing to undertake in our situation, as any moment our Boris could return from Minsk.

We reached our home very slowly and cautiously, permanently looking around, afraid to meet the Germans. Having come nearer to our district, we gave a sigh of relief when we saw that our house was safe. And when we then heard a sad "moo" of our cow, who was not milked for more than 24 hours and screaming of two hungry piglets, recently bought, we understood that life was going on.

Our tender-hearted mum, despite everything we had just lived through, hurried to help the cow to get rid of the milk, and we with Father, following her example, cooked and brought forage to the piglets. Hens and geese were of little worry to us, as it was time for them to be asleep. We prepared some hot meal and had our supper. Having calmed down we started to think over about what could be done to survive during this awful time. There was no doubt that the Germans had already brought and would bring much misfortune and trouble to the inhabitants of the town. But how long this occupation could last, whether enterprises and organizations would continue to work and who could work in them, where and for what it would be possible to buy food and other articles necessary for life – to these and many other questions there were no answers. We were very much worried about the attitude of the Germans to Jews, whether it would be the same as to other nationals. Before the war in our country they showed the film "Professor Mamlock", from which it followed, that Germans disliked Jews and created the hardest living conditions for them. Since everything we could say and suppose was only our guesses and fantasies, we decided to go to bed, being confident that much would become clear in the morning. All the more that absolute silence settled over the town.

After a restless sleep I got up very early, when all the rest of the family were still in bed, and went out of the house at once. The first impression was that nothing essential had happened, everyone was in places. Only a smell of burning brought by the wind, so specific for a site of fire, reminded about what had happened and told us that we were not able to imagine what to expect. Whether anything would clear in the nearest days – was not known too. Therefore, to hold on at least for some time, it was necessary to rely only on our own capabilities. So far, we were lucky: the house remained safe, domestic animals were alive, and there was some stock of foodstuffs in the cellar and fresh vegetables in the kitchen garden. Besides, Father and Mother told me that they had some gold and silver jewelry, and also some money savings, and that consequently we could live a normal life for at least ten days, provided that the Germans would not break our way of life.

But what normal way of life could we speak, when we knew nothing about our Boris: where was he, was he alive and could we ever see him again? We also did not know what fate was destined to all of us for the nearest future. This complete mystery required at least some clarification, and I, having screwed myself up, decided to have a walk around the town, to which the parents tried to resist, as they were anxious about me.

The town was quiet. And still, despite the apparent calmness, I had some bad presentiments. While approaching to the central part of the town, I saw more and more ruined and damaged houses, and the very center was turned into ruins and smoldering ashes. Sufferings and horror were written in faces of seldom passers-by. I saw no Germans in the town, but they could appear any moment.

Somewhat by midday along the central avenue of the town moving in the direction to the cities of Minsk and Bobruisk from the city of Brest a huge column of German tanks, motorcyclists, infantry and artillery, and also of heavy covered trucks with trailers started to advance. A powerful roar of motors and gnash of tracks frightened many town inhabitants and forced them away from their houses and apartments. They were afraid of repetition of yesterday's events. But seeing this parade of German military machinery, those soldier and officers with their rolled up sleeves, who were socially smiling and singing their songs with accompaniment of their mouth-organs. They were nicely equipped and at the same time ready straight off to engage in a combat with the enemy, it was hard to believe that they were the same troops, who blasted the town and killed peaceful citizens the day before.

About the same time well cared-for, dressed in wonderful green uniform soldiers and officers of the fascist Germany began to appear in the streets of the town. "God with us" was written on badges of their belts. They behaved correctly and stressed the absence of any hostility to the inhabitants of the captured territory, and this caused doubt that these foreigners were ever able to bring grief and tears to our people. These doubts vanished very quickly, as very soon Germans revealed their barbarian nature in relation towards the Jewish population and to our family in particular.

In the evening of that very day a low-rank German officer was billeted to us. Preparing to his evening meal, he magnanimously offered us two loafs of German bread, and we, naturally, did not refuse them. As a sign of gratitude for this gesture we offered him fried eggs with lard, which he ate with pleasure. When some other officer came to visit him, he told him about a magnificent dish, which he was treated to, and, being absolutely sure that we were Slavs (as the Jews do not eat lard), told him, pointing at us,

that these Russians seemed to him quite good people. And then, from the conversation, they got engaged into, I caught, that those days they would seize Minsk, that the war would be over in two-three weeks and that they soon would put end to communists and Jews. From what I heard I felt tingles down my forehead. I did not tell anything of what I heard to my parents in a hope, that with my very modest school knowledge of German I could have understood something wrong or mixed up the facts.

In the morning of June 28, 1941, i.e. on the seventh day of the war, when our temporary dweller said goodbye to us and declared that he was leaving for Minsk, we did not believe him.

And by the evening of that very day a rumor reached us, that during the previous night the German airplanes and artillery ruined the nice city almost completely, and that the German troops had occupied Minsk. All of us, and Mother in particular, felt awfully anxious when learnt the news. Everybody thought about our dear Berele.

We were completely shocked with what had happened to us during the first week of the war. Could any of the citizens of the USSR ever imagine, that within a couple of days the fascist Germany would deepen hundreds kilometers into our territory, having seized many dwelling settlements and the capital of the Belarusian republic located more of 350 kilometers away from the border? Where had the Red Army disappeared, whose power and heroism had been the admiration and proud of the whole country before the war? And what were our vaunted best in the world airplanes, our most fast-running tanks and famous defenders of the borders of our Motherlands engaged in?!

Prior to continue my story about our life under German occupation (if it may be called "life" at all), I beg your pardon in advance for possible errors in the chronology of narration. As to the story itself, I assure you that it will be absolutely truthful; there is not a single far-fetched or false word in it. Especially that I am telling about our family, of whom I am the only survival. And it is a sin to talk lies about those deceased.

After seizure of Minsk, active redeployment of German troops became visible in our town: some of them moved to the east, in direction of Bobruisk, and others got in town from the west. Instead of military machines, huge box vans and open carts appeared in the streets. As draft-cattle powerful bulky and short-tailed horses, that we never saw before, were used, and bicyclists appeared instead of motorcyclists. We felt at once the appearance of these rear supporting regiments. Their servicemen freely searched orchards and kitchen gardens, looked into sheds and houses, marked something, and took quite a lot of things with them.

Some days later two bicyclists came into our house and, having seen our family pride – a "Kharkov"-model bicycle, just took it away. Hereinafter, almost every day somebody of German soldier dropped into our house. "Yaiki" (eggs) and "shpik" (salted pork fat) were their favorite hunting objects from the beginning. To avoid any possible complications and having some stock of eggs and lard, we usually gave something to them, and got rid of them rather easily.

Then all of a sudden for all of us, somewhat on the sixth or seventh day after the capital of Belarus was seized by the Germans, Boris, our Berele returned home. He could hardly hold his ground. His appearance was awful, we could hardly recognize him. He was dressed in rags, looked skinny and was very much frightened. After we met him with all our warmth and joy, he told us his story.

Despite the start of the war, the examination semester at his technical school was nearing its end. Being absolutely sure, that German troops had been thrown away from the border and the battle was already held in the territory Germany, he had little worry. June 26 he finished his education year at the technical school and was planning to go home to Slutsk the following day. And in the morning he incidentally learned that his native town Slutsk had been under Germans, and that the Minsk -- Slutsk highway was blocked with our retreating troops who were pursued by German troops and airplanes. Under the circumstances, leaving for Slutsk on foot, under a constant threat to be killed or injured, was a madness, and he decided to go to uncle Yudel for advice. When he approached his uncle's house, German artillery and airplanes launched a sudden massive fire and bombardment of that region of the city. The attack lasted for many hours. And all the time my brother had to hole up in a shell-hole left after a previous explosion. When shelling and bombardment stopped, he saw with horror that the house where he made for was completely broken down. His attempt to reach nearer with the aim to learn at least anything about the fate of his uncle and family were no success because of huge destruction and fire, from where cries for help were heard from the people, who appeared under the ruins. It is impossible now to imagine what the feelings of the 16-year-old young man were; so many so much trouble came like a bolt from the blue during such a short time! But it was not the end. When Boris, absolutely broken down from what he had seen, miraculously reached his almost completely burnt-down hostel, where his things and documents were left, he fainted. How long his faint lasted, he did not know. He remembered only, that when he recovered and did not know what to do in his awful situation, he reached some bushes and unexpectedly fell deep asleep. When he woke from the sound of heavy crash and saw German tanks with soldiers on them moving along the adjacent street, horror grabbed him, as situation seemed desperate. But the life went on and, understanding that without clothes and documents, without food and money, under German occupation, he was doomed to inevitable death, he started his hard and long way to Slutsk, to his closest relatives, hoping that they were alive, and it would be easier to live through this time of trouble. And he did it! But after meeting us he understood that he got out of the frying pan into the fire.

By then, Germans became absolutely impudent. With great enthusiasm they captured and took away from citizens every domestic animal they could see. From our family only they took away all the poultry, two piglets, having deprived us of the main source of existence. But even this obvious robbery was taken by us as a trick of some non-combatant enemy's corps, as we could not believe, that the civilized German was capable of such things. But after gendarmerie and SS troops appeared in the town, it became absolutely clear, that German fascists, who had grown up during the smallest period of time (only 7-8 years) were not humans, they were beasts in human appearance.

Those monsters, like hunters, were permanently swooping somebody, however not animals but town citizens and mainly Jews. They cordoned a couple of town blocks at a time, and every poor person who was unfortunate at that time to get into their sight was doomed. he or she was either shot dead in place, or murdered in a group in a special ground prepared for this purpose.

Having once run against one of such raids, I was captured by Germans and together with other unlucky ones brought in a truck to the yard of a former kindergarten in Monakhov Street, not far from our house. We were ordered to get out of the truck and

stand at the brick wall of the building with our hands up. When we were moving to the wall to the laughter and guffaw of the chastisers (punitive troops), one of them came up to me and asked sharply how old I was. And I cried out, as if guided by some internal prompt and quite unexpectedly for myself, "Fifteen!" At the same moment the chastiser began to shout, pointing out to the open gate, "Lyus, lyus", and seeing, that I lingered, not understanding what he wanted from me, he began whipping me with a lash, repeating the same word, "Lyus!" I ran to the gate, jumped out into the road part of the street, and in a couple of minutes I was already at home. I could hardly catch my breath and come to my senses after what had happened, when bursts of sub-machine gun fire were heard from the kindergarten. Apparently, my fate kept me alive again, unlike those over twenty unlucky ones destiny needed and this time to keep me in alive, as against those to more twenty unfortunate, who were executed in the yard of the kindergarten.

Such or similar raids were carried out very often, and their scale varied. There were large raids, as a result of which fascists shot dead hundreds of Jews during a day. There were also very large raids, when thousands of Jews were murdered during one day. And "technologies of murder", these beasts used against innocent people also varied.

Once, having returned home, I found Mother crying and Motele and Khavel trying to calm her. To my question Mother explained that somewhat an hour before two Germans came to our house and, making sure that they came to a Jewish home, took Father and Boris away with them. It was an awful news, as any tragic outcome for our family could be expected from the fascists. Having pulled myself together and trying somehow to soothe Mother, I told her, that I would get out in an attempt to find out anything about what had happened. Having walked for some minutes along the street and understanding the unreality of my intention I was about to get back. When I was literally a hundred meters away from our house, a truck with Germans suddenly stopped near me, and they ordered me to get in. Some minutes later the truck drove into the territory of Slutsk market-place (bazaar), where several groups of people, placed at considerable distances from each other, under supervision of fascists, were carrying something very heavy. The Germans joined me to one of the groups, in which about ten male Jews, having stretched in a line several tens meters long, were dragging or rolling heavy boulders. I did not see Father and brother in that group, although I was sure that they also were there, in the market-place, but in some other group.

Knowing the beastly manners of fascist monsters and what was the usual outcome of their "entertainment", I made up my mind to run away, to run away, despite anything. And I managed to do it, although my confidence was almost zero. When I made one of my tours with a boulder to the destination, and something happened at the other end of the line with one of the prisoners and all attention of the Germans was directed to that place, I managed to hide myself unnoticed behind a wooden fence of the market-place lavatory. My disappearance remained unnoticed by the fascists, and I was lucky to reach our native hearth after a hard and wearisome way back under great precautions. There it turned out that Father had returned home not long ago, that all of us were victims of an SS group, who had settled in the market-place, and that we were powerless to help our Boris who was in their hands. Father was temporarily set free by one of SS-men, provided he would bring Mother's gold watch. And Boris was kept hostage by the barbarian. In case Father returned with the watch, he promised to liberate both of them, and if Father did not come back to shoot Boris dead. How much tears were shed by our

family because of the hopelessness of the situation, threatening a death to our two closest relatives!

By the evening the situation changed radically. We suddenly saw Boris on the threshold of our house, who managed to escape, having taken advantage of a thick fog that hang over the market-place. But while the Germans knew where we lived, they could appear any moment, and then all our family was doomed. But if they did not know it, we had some time for maneuvering. Father and brother convinced us that the fascists do not know where our house was. It turned out that they were seized by one group of Germans, and in the market-place they were just joined to the working group guarded by another group of Germans. And still, with the aim to escape any unexpected threats, I, my brother and Father abandoned the house and moved to live into the shed, whence, in case of danger, it was possible to get into the cellar which was reliably protected against stranger's eyes. That night passed for us rather quietly, short of machine-gun bursts of fire which sounded early in the morning from the area of the collective-farm field. And in the morning our Russian neighbors over the street, being "Jewish well-wishers", told a startling news to our family. They saw with their own eyes how the Germans at dawn brought a lot of Jewish males from the region of the town's market in two trucks to the field of the 1st of May collective farm and shot them all dead there. Thus, this time as well the destiny was gracious to our family.

The situation with the Jews degraded day after day. Each Jew was obliged to wear a yellow six-end star - a Mogendovid - sewn-on to the outer clothes in front and on the back. A Jew was prohibited to walk on sidewalks. The traffic area of the street was prescribed for them. A Jew was obliged to bow whenever he or she met a German, and to take off the headgear. The Jews had no right to get together in groups of more than 3 persons, to get into public places, to move outside the town, to start conversation with Germans, to appear in the streets in the evening and a lot of other restrictions. And each such "offence" was punished in the same way - murder. For the sake of justice one should add, that Germans invented one more method to deprive Jews of their lives - slow death from complete exhaustion because of half-starved existence.

In implementation of their barbarous ideas in relation to the Jewish nation, the fascists were helped by a huge gang of policemen, recruited mainly from among former criminals, people, who were dissatisfied with or offended by the Soviet power, and other rabble. Those servants demonstrated, wherever and whenever they only could, their devotion to Germans and considered their act of honor to give up, betray or kill a Jew.

During German occupation one of my most honored teachers at school became the first person of our town. Military training teacher Shnak, who demonstrated with all his actions before the war his devotion to Motherland and love to the Communist Party, and who taught us, young people, in the spirit of Soviet patriotism, was in fact a fascist fixed-post spy. And in gratitude the Germans granted him the position of burgomaster of the town of Slutsk. While disposing of the files on many officials of the pre-war time, he helped the fascists quickly to do away with people he disliked and to focus on solution of the Jewish problem.

In the pre-war town there lived a beggar, known almost to everybody. During a week he managed to walk the length and breadth of the town gathering everything people gave him. In response to every alms (money, food or ware) he used to bow low and expressed his hearty gratitude. His clothes matched his craft, and everybody tried to give

him what they could. Everything changed radically with the German occupation. The fascists granted him a residence of a former high-ranking commander, dressed him in brand-new clothes. And as he knew every citizen inside out, he now became their irreplaceable helper. Only God knows how many human lives, including Jewish ones, were spoiled with his assistance.

Two quarters away from our house a certain Maliboshka lived, an absolutely insignificant person under Soviet power. When fascist invaders appeared in the town, he directed all his energy at victimization of citizens of Jewish nationality. He said to each Jew he encountered, for example, that tomorrow there would be a raid and he, scabby Jew, would be killed; or, "Run home fast, there your family have already been shot dead". How much distress this skunk and geek caused to honest and decent people!

In that far-away time I knew by name many enemies and hangmen of our people and their vile deeds. Unfortunately, and maybe fortunately, during these long years they got effaced from my memory. However, my memory is still holding firmly all those kind things, that many townsmen, non-Jews made to us, Jews.

During several first months of occupation our scanty foodstuff supplies reduced sharply. Vegetables from our miraculous cellar became our main food. From that moment, when the Germans took away all our domestic animals, we were deprived of the basic high-caloric nutrition, as a result of which our organisms became sharply exhausted. And in this hard time the nobleness of our neighbors, friends and many kind people became apparent, they all helped us to survive. As Jews were prohibited to appear in public places, they, our rescuers, sometimes even risking their life, bought and brought food products to our family. Many rural dwellers who had used Father's services did not forget Khaim and, while passing early in the morning by our house on their way to the market-place, brought grocery gifts to him. And some neighbors were just sharing with us their crop gathered from the kitchen garden.

It is difficult to say how long our family could hold on under such very scanty diet. Some help was that several industrial enterprises opened in the town, and there was a demand of various specialists. Father's trade appeared to be deficient, and he was offered a job of blacksmith in one of them.

At the same enterprise, where Father started to work, soon with his help I also managed to find a job of a nailer. In a small shop several workers made floor nails with the help of machine tools. For want of any experience, my performance was naturally much lower than that of other machine workers. A wonderful woman who was working next to me named Marousya helped me to eliminate this gap. She taught me very quickly to work with both my hands simultaneously, and using every working cycle of the machine tool, to achieve the same performance and wage, as hers. And for money we were able just there, at the enterprise, to buy a scanty food package and some household goods, so necessary for the life of our family.

From the moment when enterprises resumed their work, a new order of the fascists appeared prohibiting the Jews to go to and from work one by one. They were ordered to march in line or column along the traffic area of the street. As the column moved to work it grew up as more people joined it, and when it moved home it gradually decreased. It was another barbarous order that humiliated human dignity of the Jews and doomed them to new cross and sufferings. The fact was that in the town almost all streets were earth roads or poorly paved with stones, they were permanently full of mud and

water all the time mixed up by balagolas (covered horse carts), vans and motor vehicles. When other town citizens walked along sound sidewalks, the Jews waded through mud of the traffic area unable even to see the road in front of them. They came to work and returned back home all in dirt, pasted all over with mud. How much time and nerves they had to spend to get rid of all that dirt and mud!

After Boris got employed at some electric equipment repair shop, the foodstuff problem in our family became minimal. We were not greatly worried with approaching colds, as we had enough fire wood in the shed remaining from the pre-war time – at least for two winters, and we all had enough warm clothes. What frightened us was uncertainty of our situation. Raids were now intermixed with pogroms, and the latter were of massive and ruthless nature. A Jew, wherever he or she could appear, was always in danger and under a threat. During only two November (in 1941) pogroms many hundreds Jews were murdered. They were caught and shot dead right in the streets, in their houses and yards and even in the territory of enterprises.

Somewhat early in November, before the very lunch it became known, that Germans were committing their atrocities in the area of our enterprise and hunting the Jews. The non-Jews who worked with us advised us to hide ourselves immediately. Hardly could we get to the loft of the paddock, where three horses stood on a leash, and get buried deep into the hay stored there, when German speech sounded from the yard and sounds of opened doors. Two fascists came into the paddock and when one of them asked whether they should get up to the loft, the other one answered, "No. There is no ladder here." And they left. Some hails were heard from the distance and several shots sounded. Some time later Marousya let us know, that Germans had left, and we went down from our shelter. When we got out of the paddock, we saw something terrible: at the wall of the wheel shop our friend Moyul Milkes lied killed, and near him was a small package with some food which he brought from home for lunch. Also it became known, that Germans shot dead a worker-non-Jew near the opening in the fence, who, probably, having got frightened, tried to leave the territory of the plant.

We were completely deprived of any information about the situation in the Soviet-German front and about what happened in the world. We knew nothing about the stage the war was, and whether there was any war at all. Fascists went on telling everybody about their successes at the front: that they had seized Moscow and that Russia would be soon done away with. However, the strengthened repression in the occupied territory caused certain doubts in it. Unexpectedly, our doubts found documentary confirmation in the first page of one of German newspapers in October 1941 that had incidentally caught my eye. In one of the two big photos placed there I saw Soviet marshals Voroshilov, Budenny and Timoshenko, whose regiments were broken down by heroic German troops. In the second one I saw marshal (or general) Zhukov, and under the photo it was written ironically that it was a new person, "called upon to save Moscow." It became clear, that fascists mistook their wish for reality, that Moscow had not been taken by Germans, that persistent combats continued at the front. It was not clear what the war that had lasted for more than four months by that day would end with for Germany and for the Soviet Union. It was absolutely unknown what would happen to us, and what fate was awaiting the Jewish nation and each Jew in particular. One thing was clear: the worse were German things at the front, the more awfully our situation would be.

At the end of 1941 they started a 100-percent census of the Jewish population and, in this connection rumors spread about resettling of all the Jews into a specially assigned district of the town - Jewish ghetto. We would like not to believe these rumors that promised something very terrible and awful to the Jews. But, to our great misfortune, this resettle took place in the spring of 1942.

Without getting into details of the very resettling process which was accompanied with sufferings and a plenty of tears in every family, I want to describe only the living conditions of our family in the ghetto, which were created for us by the fascists and their lackeys. They put us together with another family in a small house with four small rooms and a kitchen. In the two small rooms assigned to our family we hardly managed to place three beds and a small buffet, which housed a minimum of necessary things and valuables. All the remaining furniture and things, and also our own dwelling house with all attachments and a kitchen garden were taken away from us by Germans and various other rascals. But the most terrible and awful thing was that we appeared driven into the territory surrounded by a dense high fence and barbed wire which was permanently under electric current. The fence was thoroughly guarded day and night by a plenty of fascists, policemen and a pack of patrol dogs. They controlled entrance and exit to and from the ghetto which could be made through the only gate, specially erected for this purpose. We were like beasts driven into one large cage, but unlike the unfortunate animals, who never knew their future fate, we knew precisely what was awaiting each of us. And if somebody thought otherwise, the fascists systematically reminded the Jews about who they were, why they were in the ghetto and what end was ready for them.

Almost every week during daytime the so-called minor pogroms were held in the ghetto, when several fascists rushed into some houses, by their selection, crushing down everything they met in their way and shooting dead everybody who happened to be indoor. There were also large pogroms, when some district inside the ghetto was surrounded, all its inhabitants were driven away from their houses and directed to the gate. There fascists put them into trucks, took to some earlier prepared place and shot all of them dead there.

On the eve of the November holidays of 1942 a real massacre took place in our ghetto, as a result of which during only one day November 6 more than a thousand Jews were murdered, from babies to very old persons. From that day on massacres were conducted very often, and the population of the Jews, living in the ghetto, systematically decreased. In every family somebody was murdered, and certain families were completely annihilated. Our family, through the will of destiny and various circumstances, remained luckily untouched. And life in the ghetto, although terrible and awful, nevertheless continued. It continued till February 8, 1943. On that day the Slutsk ghetto ceased to exist, and all the Jewish population of the town was completely murdered by the Nazis, their spongers-policemen and various other rabble. With horror I recall some details of that dreadful day for the unfortunate Jews of the ghetto and for my family in particular.

Early in the morning of that day I had my breakfast as usual, took some food with me for the lunch and left for work through the gate. When I approached it I noticed an excessively great number of Gestapo officers with dogs both inside and outside the ghetto. Having understood that something special was prepared, I decided to return back home, but I could not. A security guard, who noticed me, commanded me to come up to

him. He slammed me and ordered to tell my profession. And, having heard my answer "a nailer", pushed me into one of a number of groups of people, looking like me and standing nearby. They acted similarly with every person who was approaching the gate. Same was made with my father, who answered "a blacksmith" and was sent to the same group as me.

Later events developed as fast as a lightning. From the arriving SS soldiers began to jump out with their tommy-guns and dogs, running promptly deep into the ghetto. Loud commands were given, but we could not understand them because of a large distance. They started hastily push the people, who were gathered at the gate into those very trucks. Both of us, Father and me, found ourselves in the same truck. God knows what thoughts dominated our minds and the minds of those in the truck. There, in the ghetto, remained our Mother, Boris, Motele and Khavele, our closest, dearest and loved people. What was their destiny? What awaited them? We did not think of ourselves, as we knew, that once taken away by Gestapo soldiers from the ghetto, the Jews never came back. They were just murdered.

But something extraordinary happened. Instead of anticipated death, all of us, who were in the vehicle, suddenly occurred in one of the boxes of the Slutsk prison. And when one of prison warders, a Russian, with a grin told us, unfortunate people, "Finally, we've done with damned Jewry in the town," one could imagine and understand what our state was after what we had heard. And when in the evening from the window of the prison cell we saw that the ghetto was all in fire, the ghetto where there remained our closest relatives, our human grief, the grief of doomed people was unlimited. Looking at the blaze of the burning ghetto, I felt my heart break into pieces because I was unable to come to help to my dear Mother Khasya, my brothers Motele and Berele and my sister Khavele in that most critical moment of their life. Of no help to them were also two secret tunnels that we had built in the ghetto and which had saved our family more than once during fascist raids and massacres.

Unexpected events followed one other. At night one of prison warders opened the cell, saw Father, with whom he worked together before the war and knew well all our family, suddenly shouted out, "Khaim, your son is here too!" Father answered very indifferently, "I know, here he is..." and pointed on me. Zhuk (such was the warder's surname) said with some offence, "No, Khaim, not this one, the youngest." Father almost lost his gift of speech? and could only murmur, "Where?" And having heard the answer "in the next-door cell", he started to beg the ward with tears in his eyes to do something, that we could be all together. And it is necessary to pay him the tribute, Zhuk did it, having allowed the brother to run over into our cell instead of someone, who agreed to move in the opposite direction.

From what my brother Boris told the people who were in the cell, our hair stood on end. He had just seen with his own eyes how people were shot dead, thrown out of trucks already dead or dying after gas chambers, despite their sex and age, only because they were Jews. In the morning of that day, when he was leaving for his work, he could not even suppose that he and many other people would be driven with the help of rifle butts into trucks and under strong guard taken to some unknown place. And when they were detrucked in the outskirts of the town near newly-dug trenches, they understood that it was their closing hour. But it turned out that the execution was temporarily (it was clear) postponed. They were given the role of unskilled labor. In case they failed to fulfill

any SS-men's order, they were beaten up to death. And when by the evening the terrible work was not yet finished, those who remained alive were packed back into the trucks and brought to the prison. It was terrifying to look at the brother, all his body was in bruises and grazes, and his clothes were in blood.

I have no force to describe what took place during that night in the prison cell, where twenty-five broken-hearted people were gathered. I shall say only, that the next morning, before guard change the warder-acquaintance whispered to Father, that the cell where his son was yesterday, was already empty, early in the morning SS-men arrived and took everybody away.

And some hours later the turn had come for the prisoners of our cell. The Jews who were in it were taken away from the prison under reinforced guard. Absolutely all the doomed people were sure that their mortal hour came, so were we. However, after some hours of driving the truck went through some gate, and it turned out that we were brought... into the Minsk prison.

Why did they bring the doomed people from one prison to another? What destiny had these invaders-robbers prepared for these unlucky ones? What would be the end of human misfortune? When and where? There was complete vagueness. Nobody could understand anything.

And on the next day we were moved again. Again a truck, strong guard and travel into the unknown. After a relatively short drive we were let out near some barracks located inside a territory, shielded by a high fence and dense barbed wire with high watch-towers for security guards. Some more trucks with prisoners arrived to the place of disembarkation. All who arrived were put into lines, and each was asked the only question by a Gestapo-man: about his profession. After the answer each of us was directed to one of two groups which were formed there. As Father was a wheelwright-blacksmith by his trade, and my brother was an electrician, they got into different groups. When I said that I was a nailer, they sent me into my Father's group. At first neither my brother, nor Father and me paid any special attention to this fact. But when the formation of the groups was over, and the trucks were driven to the group of my brother, and when the people were put into the trucks, and the trucks set out, all three of us understood, that another tragedy was awaiting us. The brother was taken away into uncertainty, and we were left alone.

Soon it became clear that both of us (Father and me) were in the Trostenets concentration camp near Minsk. This camp was a transit one. Jews from various European countries, basically from Germany, were brought here for annihilation in the crematorium furnace, which was smoking around-the-clock. In the camp there were various workshops, in which prisoners of different trades worked. After dispatch of a regular next group of workers specialists to the crematorium for annihilation, the freed workplaces were filled by new workers, basically, Jews. By the will of fate my Father and me became two such workers brought there from the obliterated Slutsk ghetto. Father was appointed by Gestapo-men into the forge, where he did different works related to manufacture and repair of carts, shocing of horses, etc. I was appointed by SS-men to work at the power-saw bench, where I made the hardest work of rolling logs up to the saw, or manual processing of these logs for construction works.

It was a very severe concentration camp. Every day all the prisoners were aligned into formations, and very often someone was beaten up to death or just shot dead before

their eyes for some "offences". These were awful shows. The commandants of the camp who changed very often tried to demonstrate their special diligence. I remember the surnames of two most brutal ones: Tosh and Eikhe. Both of them liked very much was those lining-ups into formations, as these events allowed them to demonstrate their permissiveness, and in this way kept the prisoners under permanent fear. All the dirty work of beating the prisoners was carried out by a constant group of prisoners who were fed up by the commandants. For themselves they left the "noble work", which gave them pleasure and joy – a shot into the back of the head of a poor doomed victim.

In the camp both of us worked very hard – Father at the forge, and I at the saw-mill. All the prisoners received scanty three meals a day for their labor, and those on hard works received also some additional high-caloric foodstuffs called "tsubusa". Naturally, both Father and me received that "boost-up". Soviet Jews were not many in the concentration camp was a little, and they worked in various places, rather far away from each other. We had to work with the Jews brought there from other European countries. In their majority they were German Jews, who spoke basically the German language. It was difficult to communicate with them. My contacts with Father were also limited, as at distribution we were placed into different barracks. Furthermore, we worked in different places and could not meet every day.

We were brought to the concentration camp in cold February and each of had on only what he was dressed in. It was our working clothes, which we did not take off from the moment of liquidation of the Slutsk ghetto, and in which we spent several days in chokies of two prisons. And when immediately after our arrival to the concentration camp each of us was given a full set of new or nearly new foreign-made clothes instead of our old and shabby things that we had left in the camp cloak-room, we were simply shocked by the fact. It was not clear to us prisoners what the reason of such delicacy. But some days later it became clear, that the operation of changing our clothes was envisaged by the camp administration because they feared our possible lousiness and potential propagation of infectious diseases. As for the clothes we were redressed into, these were the things taken away by fascists from suitcases of the unfortunate European Jews, "deported", according to Goebbels propaganda, to a new residence, and actually incinerated by fascists in furnaces of the Trostenets crematorium, located a couple kilometers off our concentration camp. Quite possible, that in the clothes that were given to us, there were also personal things of those poor people, taken off or away from them by SS-men before incineration. Father and I were very much upset when we learned about it. It seemed to us, that these clothes were burning our skin, but we had to make it up with it, as we had no choice, especially during severe winter time.

I would like to accent the fact that during my secondary education at school I learned German for five years, but I had great difficulties to talk with German Jews, while Father in some way, known to him only, managed to find common language with them at once, and it seemed that they always understood each other. Father knew that my work was very hard, and used any opportunity to ask somebody of them to help to transfer me to work at the forge. He assured his partner – blacksmith Wagner, that my work in the forge as a wheelwright would help to maintain better and faster Ludwig's household, which comprised at least ten horses, three of which were intended for horseback riding of the commanders of the camp. The remaining horses were draft animals, put into different kind of carts which required constant repair and maintenance. I

think that my appointment to the new job as a wheelwright at the camp forge was a consequence of repeated negotiations between Wagner and Ludwig, since without their help any change of my workplace would have been impossible.

Our joint work with Father in the forge went on well, and Father quite often had to work for both of us, as in particular topics of the wheel business I was a layman. But I quite often helped my Father and his partner in the forge business, especially where great power and sleight of hand were required. Both Father and Wagner were satisfied with me. Unexpectedly Ludwig, who often visited the forge for giving new and new orders, also expressed his satisfaction with our work. And everything was within the Father's reach, unlike Wagner, whose qualification as a blacksmith was much lower. After several months of such joint work we understood (Father and I) that only Father's high proficiency and my appearance in the forge as a wheelwright had saved us (not for the first time already) from inevitable death. Here is how it happened.

As you already know, fascists had brought us to the Trostenets concentration camp for replacement of the part of the specialists who had worked in the camp before and then had been killed and incinerated by them in the crematorium located nearby. Such actions were undertaken by the fascists periodically. Before our appearance in the camp the previous blacksmith and a paddock worker from Ludwig's facilities (both Soviet Jews) had been murdered in this way, therefore Father was appointed to fill the vacancy of the blacksmith. The next such action was planned for the summer (I do not remember, for what month), and it was prepared well beforehand. From each facility victims were selected whom they took in a truck during several tens of minutes to the crematorium, where they were killed. And the prisoners were usually told on the eve, that they would be moved to some other place of work, where there are vacant workplaces for them according to their specialities. And when on the eve they announced such moving to Wagner and his wife (they were German Jews), we were shocked by the news, as we were going to lose a very kind and sympathetic person who had made a lot of good for us. After all, it seemed to us, that Father and I were the first candidates for the crematorium, but it turned out that...

In the morning the Wagner family, together many other doomed prisoners who believed in that false information, took their places quietly on the bench in the truck's body and without any guarding, in full view of all the prisoners of the camp, left in the direction of the central entrance. We knew, in what direction. A bit later, while analyzing what had happened, we came to the conclusion, that Ludwig was our savior this time. And what he was guided by, by sending to the crematorium the Wagner family, instead of Khaim's one (as Ludwig called my daddy), is hard to say. During my further narration you will find answers to this and other questions related to the person of Ludwig.

Since the very first day in the camp I understood quite well, that there would be no more transit points on our way to the crematorium. I saw that only a couple of tens of minutes after the first wish of the commanders of the concentration camp we would be liquidated, and liquidated by such an awful way like incineration in the crematorium.

It became absolutely clear, that only a successful escape may save our lives. But to escape from the concentration camp without knowing its guarding system, location of premises in its territory and outside it seemed absolutely impossible.

The fact that the concentration camp was thoroughly guarded became clear to us at once, after we got inside. A dense high 4-6-meter high fence with barbed wire and

closely spaced watch-towers excluded any chance of escape. And the reliability of the outside guarding of the camp only after a considerable time of our imprisonment in the camp.

One day three prisoners, including me, were ordered to get quickly to the central gate of the camp. Immediately after we got to the indicated place, a cart with two SS-men armed with submachine-guns came to us, and they ordered to follow them. And one of them got out of the cart and walked behind us. When we occurred outside the camp and walked for some 300-400 meters along the fence, we stopped. Our guards cried out something to the security guards on two watch-towers and received to my mind a permit to come nearer to the fence. Some 25-30 meters away from it we saw bodies of two killed women. An order of SS-men followed to load these two bodies of young women into the cart. They were well dressed and had been killed, probably, because they had approached the camp fence closer than the permitted distance. After that we left in the direction of the crematorium and somewhere half a kilometer away from it in the woody place we dug a tomb and buried those two unlucky women whose bodies were riddled by bullets. Having finished our burial operation, we all returned to the camp, and in exactly in the same way, including a call-over between the security guards and a preliminary visit (before opening of the camp gate) of one of our guards into the watch-house. My emotions during the whole travel both ways were awful, as any moment one could expect a bullet into one's forehead or back of the head from these fascist skunks. But, fortunately (a person needs so little to be happy), everything ended safe that time.

Any prisoner's (or prisoners') exit or drive outside the limits of the camp were carefully prepared and controlled by the fascists. Since I am skilful to put horses into the carts and knew how to load logs into expandable carts (called naryadchiks), I was repeatedly sent to the forest to select and cut trees, to load them into carts and bring to the camp. I received orders to make such trips well beforehand, and both the place and time of departure and return were indicated. From the camp early in the morning 3-4 carts usually left for the forest, in each of them there was a prisoner and a security guard with a submachine-gun. Besides, each such trip out was accompanied by an armed fascist with three angry trained bulldogs. Under these conditions, even being outside the camp, and in the forest, it was useless even to dream about an escape.

Having analyzed with Father an issue of a flight, we came to a conclusion that fascists had created a very powerful and reliable guarding system of our concentration camp, and in the circumstances any attempt to escape was equivalent to a suicide. At the same time we agreed, that any moment each of us should be ready to escape and that we should do it only together. Father promised in this connection to prepare some emergency stock of food and to keep it always with him. We also agreed to use any slightest opportunity for escape, understanding and disregarding a high risk of being killed.

Meanwhile, days passed one after another. The monotonous days of the life of a prisoner of the concentration camp, where one's each day could become the last one, were soothed at least a little by hard wearisome work, which left no time to contemplate about our awful destiny. My memories and thoughts about our family, about certain moments of our pre-war life, about our awful life in the occupied Slutsk, about awful death of Mother, brother and sister in the ghetto, about an unknown destiny of my brother Boris, and about the uncertainty of my and Father's fate never left me for a minute. Precisely the same happened with Father. In a word, life went on in its usual way,

absolutely independent of any of us and without any knowledge about the date when fascist skunks would put a final end on us. It was a terrible and awful life!

By the end of 1943 we, the prisoners, felt that the situation with the Germans in the front-line was not very fine. More and more often trucks began to come to the camp, and they loaded into them and brought away the valuables stolen and taken away from the people murdered and incinerated in the crematorium. The job of loading of the valuables was carried out only by Germans. The loot was stored in the territory of our concentration camp in barracks, specially built for that purpose. The crematorium also boosted up its operation and was now smoking day and night. An acrid smell of incinerated human bodies was reaching our concentration camp, causing nausea in many prisoners, myself inclusive.

One of the days some visiting German officer entered the forge. After combined efforts of both parties (of the German to explain and Father to understand) it became clear that the former needed some tongs for pulling out nails (something like pliers) and that we should make them for him quickly in the forge. Understanding that to perform the order we needed a lot of time, and that any delay could cause great troubles, Father, having dug through his tool boxes, quickly found some old and rusty tongs. The officer approved the finding and ordered Father to sharpen the grasping ends of the tongs and clean them of the rust. When some little time after they were put in order, the officer, having looked in my direction, ordered me to take the tongs and go with him. I was walking in the front, and he followed me, correcting my motion with gestures. Having walked for some 200-300 meters, we found ourselves near a former collective-farm barn (or, probably, a paddock), where the officer ordered to go into, and he did the same some distance away.

When I found myself inside the barn, I saw something terrible and awful. Literally opposite in stockpiles (like in a peasant's well) bodies of murdered people were accurately stacked. Here also ten prisoners stood surrounded by SS-men. With my appearance, one of the SS-men rushed to me, but having seen those unfortunate tongs in my hands, took them away immediately. After that he asked by mimicry the officer who accompanied me what to do with me, and having seen his negative sign, ordered me to clean away quickly, what I did running. During those few minutes that I spent inside the barn, my memory fixed two rows of SS-men with submachine-guns facing each other and making a narrow corridor along which from the side of the second gate in our direction, that is towards the piles of bodies, a crowd of prisoners was moving urged on by policemen. I nearly lost my consciousness when I saw it. When I ran away from that horror, I heard periodic shots and understood that the barn was chosen by the fascists to be an execution place for the prisoners, who were brought in trucks, and then the bodies were prepared to be burnt together with the barn.

When I came running to the forge, with my breath almost out, the only word, that I could squeeze out of my lips when I saw Father was "Run!" I could not imagine myself how and where we could run, but I did not want to die such death: a bullet into the back of the head, then stacking of the body in a stockpile with subsequent incineration, and with our tongs used to pull out tooth crowns made of precious metals from murdered or alive prisoners.

Having heard my word "Run!" Father picked up his bundle and we left the forge together and set for... I do not remember in what way we managed to leave the camp, in

what place we found ourselves out of it. And how can I remember it now, if even then, in those far-away days I could not imagine and did not understand, how we managed to escape that hell, and furthermore, to do it unnoticed! It was not without some benefactor who knew some hidden secret routes of escape from the camp, helped us in some mysterious way. Probably, the guards of the camp paid too much attention at that time to the trucks that were driving in and out in connection with the action of liquidation of the prisoners they were carrying out. Or, probably, my memory helped us, which tenaciously fixed the routes of possible escape during my trips to the forest to pick up tree logs for the saw-mill. Anyway, Father and I managed to get out of the concentration camp, and soon we safely found ourselves outside its borders.

Having moved a few kilometers away from the camp, we found out, that we were not alone to run away. Walter Stern, a Jew from Germany who worked as a metalworker and whom we met very seldom and knew very little, was secretly following us. It remained a secret how he had managed to learn about our escape and why he had secretly joined and tracked us. We had no time to clear it out. The appearance of the young man complicated our situation at once, as gestures and mimics was the only language: he did not know a word in Russian, and we did not understand his German because of some specific pronunciation. But as nothing could be changed, we had to move on three of us, trying to get as far as possible away from the camp.

After having covered an essential distance and having got rather far from the camp, we have decided to take a rest and to have a snack. When we were looking for a place for this purpose, we failed to notice how and when two men in civil clothes armed with rifles got very close to us. They asked us sharply in Russian who we were and whence. Not being ready to such a question and not knowing, who those two were – policemen or guerrillas – we lingered with the answer, and our German Jew, quite unexpectedly for us without any reason said in German, that we were Germans who had lost their way. After such an answer, those two looked at each other and showing that they were satisfied with the answer, showed us by gestures, that we could go on with our searches, and they went away.

Some time later they called us again and told us that they were guerrillas and that after our answer (that we were Germans) they wanted to shoot us dead at once. But having noted the traces of mogendovids on our upper clothes, they decided, that we were not the Germans who had lost their way, but the Jews, who had run away from the concentration camp, and now they wanted to know, who we were in fact. We had nothing to do but to express our thanks them for saving our lives, and to confirm, that we were Jews indeed. After that our relations became more confiding. We answered quite a lot of their questions related to our life in the camp. In our turn, we asked them to help us to get to guerillas and received a apartment refusal. And as an explanation they added, that there was an order not to take Jews without weapons into guerilla squads. To our bewildered question, "So, what should we do?" the answer followed, "It's your problem". And, seeing our condition after such an answer, they started to calm us saying that in the area of 50 kilometers around, where the situation was controlled by guerrillas, we might not worry, and nobody would touch us.

Could we have ever expected this when we were running away from the camp, where death was an every minute threat? From an awful situation to be any moment killed in the camp, we got into a dreadful situation, having appeared at liberty: without

food, without clothes and without any roof overhead. In fact we were again left by the government of our country to the mercy of fate. This time it was the "concern" of Panteleimon Ponomarenko, Commander of the Central Headquarters of Guerilla Movement, who prohibited, in September, 1943, to admit ghetto runaways into guerilla squads.

Understanding that our situation was very hard, but not hopeless, we discussed it and decided to move southeast by all possible means, closer to the front line. And we did it, trying to benefit as much as possible from the assurance which we had received on the eve that in the territory, controlled by guerrillas, we could move without any fear for our lives. In the first village, where we sent Father some days later as a person able to make easy contacts and talk to people, it became clear that the population was quite loyal to us, former prisoners of the concentration camp. They fed him there and gave some food for us, and it cheered us up a little. When the inhabitants of the villages that we visited learned that Father was a blacksmith and wheelwright, they swamped him with work, and we all had to help him doing it. In reward they fed us up, allowed to stay and spend the night in their stacks of hay or sheds and tried in some way to give us some clothing instead of our dirty rags.

Some time later we reached a large river - Berezhina. The guerilla squads also began to move up there. Our routes often intersected, but we went on to live our nomad life, and they got prepared to meet the Soviet troops, who were crushing the Germans and advanced westwards. We anticipated meeting with the Red Army, and we were sure that it will soon take place. All the more, during windy weather we started to hear the sounds of artillery cannonades, and Soviet airplanes often started to appear in the sky. They were bombing military objects of the fascists which were located not far from there.

One of the days, when we were in some settlement, unexpectedly a guerilla formation entered it. When they started to clear out who we were and how happened to be there, it became clear, that they did not trust us, and mainly because German Walter was with us. Repeated explanation of mine and Father that they were mistaken and that Walter was not a German, but a Jew from Germany deported by the Germans among many European Jews to the Trostenets for liquidation, could not convince the heads of the guerilla formation. To our request to invite an interpreter in order to get direct information from Walter himself, as he did not know Russian, they answered that they had no interpreter, and they could not waste on some German. After such an answer it became clear, that Walter's fate was decided, and we were not able to help him.

The final check of our loyalty towards our country, that is towards the Soviet Union, was made in an exotic, unethical and uncivilized way. All three of us were asked to talk to a German soldier captured by the guerrillas. We told him, as much as we could, about the atrocities of the Germans in relation to the Jews. He listened attentively, groaned and moaned and was very indignant with what he heard, and then he declared, that he was a soldier, not a hangman, and all those atrocities were made by fascists.

Walter talked to him too, but we did not understand about what. When the conversation was over, two guerrillas armed with submachine-guns ordered all four of us to follow them. When we reached the side of the village and mounted a small hillock, the guerrillas ordered the prisoner of war to undress. Then they gave me a submachine-gun and ordered to shoot him dead. And when I lingered a little, not understanding why I had to shoot a human, to whom I talked five minutes ago and who stated that he was not a

hangman (Why should I become one?), Walter suddenly snatched out the submachine-gun and killed that German with a long burst of fire. Without even burying the body, we all five returned back. Some time later one of those two armed guerrillas took Walter away and we never saw him again. Father and I were told, that we could stay in that village, unfortunately I do not remember its name, and wait for the arrival of the Red Army units.

It was not a very long wait, though it was quite a nervous time. Almost every day heavily loaded Soviet bombers flew westwards over our village. But sometimes there were also German airplanes delivering their fatal freight to the east, against the Soviet troops. The sounds of artillery cannonades became stronger every day, and our troops, who were liberating the territories occupied by damned fascists, were coming closer and closer to our village. The guerilla formation abandoned the village and moved, as the guerrillas told, to join the regular troops of the Red Army.

Remembering our runaway into the field during the unexpected seizure by fascists of our native Slutsk, and how German carrion-crows were hunting every person they saw from the air, we left the village and moved into the nearest small wood. After some days of our living in the wood we were quite surprised and happy to see that the artillery cannonade had bypassed us and was now heard from the opposite side. It became clear, that combats took place somewhere near us, but had not touched our territory. And soon they appeared whom we had anticipated for so long. A large horse army wagon train with different kind of army freight passed through the village. We and the inhabitants of the village greeted our liberators very warmly.

The arrival shortly of a group of servicemen who were explicitly interested in the life of each peasant during occupation, including us, strangers to the village, brought us new experiences and even fear about our future. And it all began from one question: how could we, two Jews, survive while the Germans had done away all the Jews, having murdered them? None of our explanations was accepted to be the truth. Everything was interpreted by the servicemen as if we were German accomplices, therefore Germans had granted us lives. After a whole day of interrogations we were put into a car and taken to some bigger settlement (I do not remember its name either) to make some clarifications. There they kept us separate from each other and interrogated in heightened tones and with great bias (however, without any physical violence), trying to drag some "truthful" evidences out of us. Then, having got convinced that their invention was vain, several days later they brought us to a study of some commander (a major), who announced officially that we were free, and to confirm the fact, he handed over our identification certificates to us. Then I was ordered to get to the commandant's office immediately to get appointed on military service. Father was advised to move slowly home, to Slutsk, which would be soon liberated from the fascists.

Our parting was very hard. We recollected our common grief and each member of our family, their heavy fate and tragically broken lives. We understood, that, quite probably (and most likely), we were seeing each other for the last time, the two survived members of the large family of Khaim Troichanskiy. After all, I was leaving for the war, where I was going to revenge ruthlessly the ruined lives of our closest and dearest relatives. Father had to set for a long for those days and unknown, with many obstacles, way to our native town of Slutsk, yet not freed from fascist scum. In a word, much tears was shed, and our souls were torn into parts from the inevitable parting.

I was the first to leave. I embraced Father, we kissed each other, there were tears in Father's eyes and... bon voyage! Father had still to decide on his route of motion, therefore he departed a bit later. At the commandant's office they appointed me into the group of recruits who were called up from the territory occupied by the Germans. In their own clothes and without any arms they were trained by a sergeant to march by formation, to make rushes, to salute, to crawl, etc. For two days I trained soldier's skills with the rest of them, and on the third day, when they brought uniform and arms, an order arrived that everybody should get his uniform and a rifle. In the course of the equipment operation it turned out, some guys remained without uniform; others missed rifles, or both. Fortunately, I was properly equipped.

Later events happened with the speed of a lightning. We were taken to some army formation, which engaged in combating fascists literally some hours later. For most of our young recruits, who underwent no battle training and were very poor with their rifles, that battle was the first and the last one at the same time. The fate spared me that time. After the combat those of us who survived and were appointed into the staff of the 755th rifle regiment of the 217th rifle division, and I fought up to the end of the war in three regiments of this division.

My everyday life at the front, which lasted for almost eighteen months, was very hard. I served in infantry, where each attack (and there were so many of them!) could end with a death. Moreover, my duty was to ensure continuous telephone wire communication between structural units of the battalion. During a combat, when shells, mines and bombs were bursting around, bullet whistles were heard around, and also during artillery bombardments and air raids, as a result of which telephone wires break apart, my duty was to restore the broken communication line at any cost (even at the cost of my life) and at any weather, having previously located the place and degree of failure. And it was not incidentally that during the war I was three times wounded, including one heavy injury, and had light contusions. In this connection I spent more than six months on treatment at field military hospitals.

I fought not bad, knowing, against whom I was at war, for what I was at war and that I should revenge the damned enemies for destruction of our family. I wanted very much to put a soon end to the fascists who had killed millions of Jews, and to strike a crushing blow on anti-Semitism. Unfortunately, as soon as some months after the start of my participation in the great battle I understood, that anti-Semitism took deep roots and it was practically impossible to extirpate it.

Once, when our unit was withdrawn for some days away from the front for a short rest senior sergeant Lyoshka Kartashov (I remember his name very well) sat down close to me and, "Are you a Jew?", to what I naturally answered, "Yes, a pure-blooded one." Another question followed, "What's your name in Jewish?" – "Lazar." And then I added, in order to look more convincing, "Khaimovich." Having thought quite a bit, he exclaimed addressing to me, "No, you are not a Jew, you are not Lazar!" And after a pause, he added, "You are Lyoshka! You have a Russian soul!" It was a sort of a laudatory ode of a Russian soldier in my address, a Jew soldier. But the exclamation was all sodden the spirit of anti-Semitism! My personal contribution into the defeat of fascist Germany was estimated by the Soviet government, who awarded me for courage and bravery with two Orders of the Patriotic War of the first and second degrees and with the

medals "For Bravery", "For Battle Merits", "For seizure of Königsberg", "For Victory Over Germany in the Great Patriotic War of 1941-1945."

In my battles against fascists at various fronts of the war I walked more than one thousand kilometers. These were hard kilometers and combats with huge losses of live force and machinery. Quite a lot of human sufferings I had to see during this time. I saw how they committed to battle young untrained recruits from the territories occupied by Germans, and experienced soldiers called them cannon-fodder. Essentially, commanders who sent those young guys to face certain death were same criminals, as the fascists who smashed down the Jewish population.

Many thousands soldiers lost their lives to no purpose, only because the Supreme Command of the Red Army demanded liberation or seizure of some settlement to a holiday or to other particular date or occasion, never considering any potential losses. In the middle of April, 1945, when our troops stormed and seized Königsberg and reached the Frisches Haff bay, the Front Command ordered several divisions, including ours, the 84th Guards Division, to cross quickly that water basin which made more than two kilometers wide, and to defeat the German grouping located on the spit. The German command was happy to obtain such a present and, having allowed our troops in their primitive floating facilities to come nearer to the coast, attacked them with mass barrage and drowned almost all of them. Fortunately, at the last minute the order for our division was cancelled.

While taking part in liberation of Poland of the Nazis, I often met, and sometimes also talked to liberated prisoners of German concentration camps. It was terrible to look at these walking skeletons. And each time in such cases I recollected what I myself suffered under Germans and how my dear relatives were murdered. And each time I sent damnation to fascists and, first of all, to their Führer. The image of my brother Boris, whom I could not consider dead as I knew nothing about him, involuntarily appeared in my consciousness.

Parting with Father, we agreed, that as soon as Slutsk was liberated from the fascists, I should write two identical letters to him: one to our home address, and the second one – to the post office, poste restante, in case our house had been ruined. As soon as the mailing address of my army regiment became known to me, I wrote two such letters in hope that while they reached the addressee in the wartime conditions, Slutsk would have been already liberated. Having learned, that Slutsk had already been liberated I sent two similar letters to the same addresses for the second time, without having waited for any answer. As there was no answer for several months, I became pretty alarmed. After all, Father, in order to reach our native places, had to spend a lot of his labor and energy, to overcome lots of unexpected obstacles. The only thing that calmed me at least a little was that I often changed my mailing address being transferred from one regiment into another. It could be one of the reasons that I received no answer.

And then, quite unexpectedly, some three months after I had sent the second letter to Father, when I was undergoing my treatment at the medical battalion after my first injury, I received a long-awaited letter from Slutsk, opened it impatiently and saw that it was from Father. The letter was a very in-depth one. Father informed that fortunately our house remained safe, only the shed and our family pride – the cellar – had burned down. He was also lucky to see that when he appeared in Slutsk immediately after its liberation from the fascists, he found the house unsettled, with empty rooms. As he learned later,

after the fascists had resettled our family to the ghetto, our house was taken by Maliboshka, that skunk of the skunks, whom I already mentioned and who being afraid of the punishment for all his crimes during the occupation, left the house well in advance and escaped with the Germans. Having found himself in the empty house, Father wrote, he felt with all possible strength his loneliness and impossibility to reconcile with the fact that only he and me survived out of the whole family. But I was far away from him, at war against fascists, and consequently, Father asked me to take care, though it was not easy. Father also asked me to notify him at once, if something would become known to me though about our Boris, and assured that he would inform me about all the news in his next letters. That very day I wrote an answer to him, and tried to calm him that I worked a telephone operator and nothing threatened me there. I asked Father to write to me as often as possible, to keep me informed about the events and promised him to do the same.

Meanwhile, the war went on: our troops advanced, and the Germans retreated. As we approached the fascist den, the resistance of the Germans grew stronger and, accordingly, our losses increased. We, "spooler-operators", experienced it very well on our own back. The Germans, aiming to obtain the intelligence data, often hooked up to our telephone lines and, after doing so, cut up the wires and threw off the ends to a considerable distance apart from each other. It was very hard and very dangerous to detect such a damage and to reestablish the communication, especially under intensive fire and bombardment and at night. And if I add, that often in such places Germans made ambushes with the aim to capture a prisoner for interrogation; nobody of the soldiers envied us, operators. Not incidentally, that two servicemen were sent to repair a wire break, one of them was engaged in recovery of the communication, and the other was on guard. So often I had to go into action in such conditions, and so many front-line comrades I lost! And each time my fate was merciful to me, short of the obtained wounds.

Somewhat by the end of summer of 1944 I unexpectedly received a letter with an unfamiliar handwriting on the envelope sent to my address from some army unit. When I opened the triangle (it was a form of the soldier's letter), I was surprised and happy to see that it was a letter from Mother's brother, my uncle Volodya (Velvul), from the military unit where he served. He informed me, that he was fighting fascists in the troops of Marshal Zhukov, that he had set up correspondence with Khaim (my Father), that he knew about the tragedy of our (and his own too) family, and he expresses his condolence to me, and it naturally stirred up my mind. A couple days later I answered the letter, but there were no more letters from him. Not knowing the reason of this silence, I was absolutely sure, that everything was all right with uncle Volodya, as I understood from the text of the letter, he served at some headquarters of a high-rank army grouping. Fortunately, I was not mistaken. But a bit later about it.

I received the second letter from Father in some exotic conditions, right on the eve of forcing a crossing over the river Narev, in the region of the town of Makov in Poland. I could not even open the letter handed to me by the postman, when the crossing started. We managed to recapture from the Germans a small piece of land in the opposite enemy's bank of the river. Being on the offensive and taking a direct part in the battle, I even forgot about the letter, moreover, there was no opportunity to read it. In that battle I was heavily wounded, and was able to read and perceive the letter only three or four days later, when I was under treatment at the field hospital.

Father wrote that he had no interest in life, that he had distaste for anything. The only means to stun his melancholy was job. But he made a mistake having agreed to take his pre-war position of the production manager at the cooperative. Unlike those days he lacked good specialists, as the majority of them had been either murdered by the Germans during occupation, or got evacuated. Therefore, the duties of a teacher and a worker added to his manager's duties. In his letter Father also wrote, that he became acquainted with a wonderful woman, who helped him with housekeeping (cooking, laundering, cleaning, etc.), and that he thought it reasonable to marry her and launch a new family. I felt from the wording of the letter that he was anxious to know my opinion on the point.

Some days later I sent an answer to Father's letter, in which I asked him not to be in the dumps. If the union with that woman would help to him in his further life, he should create a new family, that was quite normal, and let it be a happy family. Then I wrote about myself, that I had got a slight wound in the form of a scratch on the leg, and that in a couple of days I should be sent back to my unit to continue my service.

The advance of our troops continued day after day, and day after day we came nearer to the fascist den. After the hospital, somewhat in the end of January, 1945, I was given a new outfit: an English overcoat, a Russian quilted jacket and American boots. It took several days to get back to my regiment, and I reached my service on the eve of a then prepared huge attack of our troops. The combat began at dawn and lasted all the day, till late at night. Mines and shells were bursting around, bullets whistled overhead, and our emplacements were repeatedly bombed and gunned by enemy's airplanes. We suffered tremendous losses. A mine or a shell burst out suddenly near me, I was deafened and covered with ground. When I recovered, stood up and looked around, I was terrified with what I saw. Near me, in a large shell-hole that formed after the explosion, fragments and organs of human bodies were scattered. And having examined myself and having seen that my overcoat looked like a sort of a sieve, I thought that I had been severely wounded, as I already knew, that gunshot wounds are not felt during the first minutes. Having taken off the riddled overcoat and the jacket punched by fragments in many places, I was very much surprised not to find a single blood drop on my body. I felt over myself for quite a long, not understanding how it could have happened, and never understood. The only idea I could have then was that someone drew troubles away from me, and not for the first time. And who was that someone -- the Lord new only.

It was felt by everything that the war was approaching its victorious end and that the day of Great Victory was just around the corner. But how many human lives that awful war would take before its completion! Our 84th Guards Rifle Division, where I then served, participated in the defeat of the Prussian grouping of German troops, and April 8, 1945, it took a direct part in assault and storming of the capital of Prussia -- Königsberg. There I was wounded for the third and the last time during that war, wounded in my right arm, and a piece of metal that got stuck in my shoulder, I have been carrying on with me for 55 years already.

The Prussian grouping of German troops was very strong. Capital concrete and log-earth pillboxes, different kinds of coastal fortifications and other defense structures hampered greatly the advance of our troops. And the Germans had nothing to lose, the war was already in their territory and the defeat promised nothing good to them. After all, it was not incidentally that the massive German grouping on the spit whom our command

had decided to crush down straight off, on the march by means of forced crossing of the Frisches Haff bay, having lost many thousands servicemen, gave up only May 12, 1945, 4 days after the fascist Germany signed its capitulation, and only after continuous heavy bombardment and artillery fire.

The Victory Day! How long we had waited for it and how unexpectedly it had come! On the night of May 9, 1945, when we were deployed in a small wood near the Prussian town of Gumbinen (nowadays Goussev), that joyful information reached us too, the front-line soldiers who permanently found themselves on the verge of life and death and who were any moment under the risk of being killed or wounded. Words are not able to express the delight of the people who spent almost four years living and fighting in the hardest wartime conditions! A tremendous fireworks with live cartridges from all kinds of weapons which were available in the inventory of our regiment lasted continuously during the whole night. And in the morning it became clear, that the signed capitulation act was not considered mandatory by some German army units and its individual soldiers, and they went on with their battle operations. Therefore for us, a certain part of Soviet soldiers, the war continued for several more days and, naturally, with those killed and injured.

The most awful war was over. Fascist Germany was prostrate. Both the joy of victory and tears of grief at the same time overwhelmed almost each citizen of the Soviet Union. As it became known much later, the war took the lives of 25 million Soviet citizens and 6 millions Jews. Being happy together with everybody to welcome our Victory, I shed a lot of tears recollecting the fate of my relatives Motele, Khavele, Mother Khasya, who had been brutally killed by fascists, and my brother Berele, whose destiny remained unknown to us. I also shed tears over my ruined youth and the destiny of my Father who unexpectedly became a widower, lost his two children and knew nothing about the fate of his another son.

ЛАЗАРЬ ТРОЙЧАНСКИЙ

ПО СТУПЕНЯМ ЖИЗНИ

США, МИЛВОКИ 2001

МОЯ РОДОСЛОВНАЯ

21 января 1924 года, когда страна Советов была погружена в глубокий траур по поводу кончины вождя пролетарской революции Владимира Ильича Ленина, родился я. Мой отец Хаим и мать Хася, думается, оказались в сложнейшем положении, когда, с одной стороны, нужно было радоваться появлению их первенца, а с другой – скорбеть вместе со всем народом страны по поводу утраты этой выдающейся личности. Я не знаю, как они сумели совместить эти два совершенно противоположных чувства, но зато точно знаю, что на протяжении всей моей жизни на родине, мой день рождения, во избежание неприятностей, отмечался очень скромно.

Появился я на свет в городе Слуцке Минской области. Это был небольшой городок с населением немногим более 15 тысяч человек, значительную часть которого составляли евреи. Он располагался в 40 километрах от границы с Польшей, въезд в город был закрытым и осуществлялся только по специальным пропускам.

Слуцк был городом ремесленников. Здесь жили и трудились сапожники, портные, плотники, столяры, стекольщики, лудильщики и многие другие мастера своего дела. Было здесь и несколько небольших предприятий, называемых артелями. Мой дед по матери был кузнецом, а дед по отцу – колесником. Отец же мой освоил обе эти специальности. Он выполнял всю работу колесника, изготавливая деревянную часть телег, колес, саней, бричек и др., и всю работу кузнеца, производя металлическую оковку этих изделий.

Во времени моего рождения родители проживали в доме деда по матери, которого звали Шлейма Кешлик. Он был религиозным и удивительным человеком. Имея только один глаз, он с большим мастерством выполнял все операции по кузнечному производству и считался очень хорошим специалистом. В кузнице, находившейся во дворе дома, с раннего утра до позднего вечера светился огонь, в котором раскаливался металл. И все это время слышался стук молотка моего деда, который на наковальне из этого дышащего огнем металла творил чудеса, изготавливая предметы различной конфигурации, необходимые в его ремесле. Это лично я облик запомнил мне очень слабо, зато до сего времени не забыт вкус чудесного пахлятого вина, приготовленного самим дедом специально к празднику, и которым он угощал меня.

Дедушка Шлейма умер относительно нестарым человеком, где-то в начале тридцатых годов. А вот бабушку по матери я никогда не видел и ничего о ней не знаю. Мне известно только, что у них было восемь детей, из которых только четверо (Неях, Хася, Велвул и Рива) жили в Слуцке, а остальные – за его пределами.

Когда мне было не более шести лет, мои родители переехали в новый дом, построенный ими на Ленинской улице (№8). К тому времени семья наша уже увеличилась на два человека в связи с рождением братика Бориса (Берелэ) и сестрички Хавы (Хавелэ). К 11-ти годам у меня появился еще один братишка, которого назвали Мотик (Мотелэ), и вся наша дружная семья продолжала проживать в этом красивом и уютном доме.

Деда по отцу звали Мойше, а бабу – Поля. Это была удивительная пара. Он – высокий, коренастый, бородатый и очень красивый мужчина, а она – маленькая, полненькая, приятная и тоже по-своему очень красивая женщина. Жили они очень мирно и благо, и эта прекрасная пара Тройчанских имела 16 детей, которых родила бабушка Поля. Десять из них не жили в родном городе, а разъехались по стране, поэтому я знал только шестерых (Геню, Шмоля, Хаима, Исроэля, Цилу и Муску).

Дед Мойше был классным специалистом. О нем знала вся сельская округа, и крестьяне регулярно обеспечивали его заказами. Благодаря этому он один, работая очень много, очень качественно и без устали, обеспечивал содержание столь большой семьи. Я очень хорошо помню дедушку Мойше и бабушку Полю. Оба они умерли в возрасте 70 лет, причем первым умер дедушка. После тяжелого рабочего дня он лег спать и не проснулся. Вскоре от недепной болезни (дизентерии) умерла и бабушка Поля.

Покалутый, это и все, что я знал о своих дедушках и бабушках. Ведь они умерли, когда мне было 10 – 11 лет, а жили мы прозя и встречались довольно редко.

В таких вот дружных и порядочных рабочих семьях родились и воспитывались мои родители. И не удивительно, что отец и мать были очень трудолюбивыми людьми и все делали, чтобы наша семья была благополучной и жила в достатке. Отец и мать очень любили свой домашний очаг. Дом и значительный приусадебный участок требовали постоянного внимания и ухода. Ухода требовали также корова, куры, утки, гуси и поросята, являвшиеся по существу нашей семейной продовольственной кладовой. Постоянной заботы требовали четверо детей дошкольного и школьного возраста, а также тяжело работающий отец. И со всем этим справлялась моя мать Хася, очень красивая с седыми волосами женщина, которую соседи называли «бэрэе» (всемогущая и успевающая). Она, наша мудрая мама, сумела каждому ребенку внести в обязанность определенный круг работ и требовала точного их выполнения.

Весной и летом все мы, дети, занимались посевной и прополкой огорода, а осенью уборкой урожая, с доставкой и размещением его в погреб. Какой это был прекрасный погреб, вход в который был через сарай! Каждому овощу здесь было отведено свое место, причем наибольший отсек был отведен для картофеля – нашего основного продукта питания. В погребе хранились также сахар, масло, жир, окорока, масло сливочное, яйца, колбаса и многое другое, получаемое от нашей домашней живности, а также фрукты и другие продукты питания. Доставка по мере надобности необходимых продуктов из погреба в дом, а также ежегодная заготовка не менее 25 кубических метров дров, необходимых для приготовления пищи и отопления нашего дома, все это также входило в наши обязанности.

По распоряжению матери мы занимались распиловкой, колкой этих дров с укладкой их в штабеля с последующей доставкой готовых дров к месту сжигания. Наличие хорошей ножной швейной машины марки «Зингер» и прекрасное умение пользоваться ею давали возможность матери одевать детей в одежду, почти полностью изготовленную ее руками. Она умело систематически перешивала сшитую с мерки одежду одного ребенка для другого, младшего, значительно экономя при этом. Мы с удовольствием носили эту одежду, изготовленную ею со вкусом и в стиле действующей моды.

Мать знала желания каждого ребенка и, по возможности, старалась их удовлетворить. В этой связи хочу рассказать один характерный эпизод. Родители знали, что мне очень нравится военная форма, и что я был настроен посвятить свою жизнь службе в Красной Армии. И вот, когда я учился в 9-м классе, мать сшила мне шинель офицерского образца, заменившую мое изношенное пальто. Знакомые были шокированы ее мастерством в исполнении этой крайне сложной работы.

А как гордо чувствовал я себя в этой шинели! Ведь многие красноармейцы, особенно в вечернее время, принимая меня за офицера, отдавали мне честь.

Родители очень любили нас и, по мере возможности, создавали нам нормальные условия для учебы. Мать уже с лета занималась поисками учебников, а также заготовкой тетрадей и других школьных принадлежностей. К началу учебного года каждый из нас, школьников, был полностью «экипирован». В школьном буфете во время большой перемены нам, Тройчанским, отпускали все то, что нам хотелось, и это нас очень радовало. Но мы не знали, что школьная буфетчица, по договоренности с матерью, вела учет отпущенного, а мать затем погашала стоимость съеденных нами продуктов.

Мать очень хорошо готовила, знала наши вкусы и старалась всем угодить. Даже сейчас, по прошествии стольких лет, только при одном воспоминании о приготовленных ею блюдах, таких как фаршированная рыба, картофельные оладьи с гусиным жиром, начиненная шейка курицы, гашки из мацемела и другие, сразу начинает течь слюнка. На пасху откуда-то в доме появлялась маца, несмотря на то, что изготовление ее

производилось тайно из-за запрета религии на нашей родине. Мы все любили ее, а особенно, намазанную куриным жиром или сливочным маслом.

Ко всему сказанному следует добавить, что мама была очень активной общественницей. Она неоднократно избиралась депутатом районного и городского советов и, насколько мне помнится, всегда была членом родительского комитета школы. Мама Хася была чудесным человеком. Не многим детям так повезло с матерью, как нам. Ей бы при жизни золотой памятник поставить, а у меня даже нет ни одной ее фотографии. Прожила мать всего 42 года. Ее жизнь трагически оборвалась 8 февраля 1943 года. В этот день фашистские изверги завершили ликвидацию Слуцкого гетто и расстреляли мою дорогую мамочку, братика Мотеля и красавицу-сестричку Хавелю. Проклятые фашисты! Это они разрушили жизнь нашей семьи и отняли у меня самое дорогое, что у меня было. Это никогда не забудется!

Более подробно о последних двух годах жизни нашей семьи под фашистским сапогом расскажу несколько позже. А сейчас, чтобы не нарушать последовательность повествования, расскажу о моем отце Хаиме Тройчанском.

Мой папа был вундерпапой, выросшим из вундеркинда. Это не шутка. Это на полном серьезе. Ведь, будучи еще мальчиком, он начал учиться у своего отца Мойше (моего деда) и уже в зрелом возрасте полностью овладел профессией колесника. За это же время, часто заглядывая в кузницу своего соседа Шлейме и помогая ему, он перенял опыт этой сложной работы и стал не только кузнецом по профессии. Женившись на дочери кузнеца (на моей маме), он стал также кузнецом своего счастья, ибо о такой жене, как Хася, можно было только мечтать. Они прожили совместно короткую, но по тем временам красивую жизнь.

Отец любил обе свои профессии, причем владел он ими виртуозно. Но мне почему-то казалось, что больше он все же любил кузнечное дело. Работу он выполнял быстро, качественно и в установленные сроки. Все бабалоги (позчики) города и крестьяне окрестных сел знали Хаима Тройчанского как прекрасного работника и постоянно пользовались его услугами. Помнится, как красиво он производил подковку лошадей. Этот тяжелый труд он выполнял просто играючи. А с какой легкостью он производил оковку колес в то время, когда многие кузнецы эту работу вовсе не умели делать. Словом, он был специалистом высшей квалификации. И не случайно на вопрос, кем он работает, следовал его неизменный ответ: «Я профессор». А на недоуменный взгляд спрашивающего он спокойно уточнял: «Да, я профессор своего дела». Позже, работая в артели, он охотно передавал свой опыт коллегам по профессии. Здесь вскоре были замечены его организаторские способности, и он был утвержден в должности заведующего производством артели «Красный металлист», что соответствовало должности главного инженера государственного предприятия. В этой высокой должности отец, не имевший даже среднего образования, проработал вплоть до фашистского нашествия.

Отца обожали все, с кем бы он ни встречался. И это обожание помогло нашей семье выжить в тяжелые тридцатые голодные годы, когда крестьяне подбрасывали отцу необходимые для поддержания его физической силы высококалорийные продукты. В ужасные годы оккупации те же крестьяне и многие русские бабалоги города, зная о полуголодном существовании евреев, различными, а порой даже опасными для их жизни путями, оказывали отцу помощь продуктами и деньгами.

Нас, детей, отец просто обожал. Вместе с тем он очень болезненно переживал, а порой негодовал, когда мы получали в школе низкие оценки. Он требовал от нас прилежной учебы и мечтал видеть каждого своего ребенка, по его выражению, «ученым»; а не рабочим. «Я, мои братья и сестры не имели возможности учиться, а у вас такая возможность есть», - часто говорил он нам.

И все мы, следуя заветам отца, прилежно учились. Он также считал, что мы должны быть физически крепкими, и поэтому требовал от нас, чтобы мы занимались спортом. И каждый из нас с удовольствием занимался этим.

Отец очень много работал и для восполнения затрачиваемой энергии хорошо питался. Аппетит у него был отменный, но вместе с тем он любил перед едой выпить рюмочку водки. Мать его за это поругивала. Чтобы мать его не бранила, он, направляясь с работы домой, зачастую попутно навещал киоск, где выпивал чарочку (а может и больше) спиртного и уходил домой обедать или ужинать. Он очень любил сало, которое восстанавливало его силы. Сало он мог есть три раза в день, причем в различных видах: сырым, просоленным, поджаренным, поджаренным с луком или с яйцами. Обожаёл он отварной картофель, мучные или картофельные оладьи, которые он макал во время еды в сковородке с поджаренным салом. Все мы тоже очень любили эти блюда и часто просили мать, чтобы она готовила отцу обожаемую им еду. При наличии свободного времени отец готовил «свое» кушанье сам и, надо сказать, делал он это не хуже матери.

Отец курил, причем очень много. Его любимыми папиросами были «Беломорканал» фабрики имени Урицкого, которые он закупал в больших количествах. Зная о том, что мальчики тянутся к куреву, от чего часто бывают различного рода неприятности, он принял гениальное решение. Он предоставил детям свободный доступ к папиросам, зная о том, что запретный плод всегда сладок. Отец, каждый раз, закуривая, брал одну папиросу из множества открытых им до этого пачек, давая нам, детям, возможность брать папиросы из любой пачки, зная, что об этом никто не узнает. Именно поэтому и помня о вреде курения мы абсолютно не интересовались папиросами. Курить мы (я и Борис) начали только во время войны.

Многим людям, знакомым и незнакомым, отец мой, Хаим, оказывал материальную и другую помощь, помогал добрым словом и советом. И люди отвечали ему тем же. Он был добрейшей души человек.

В КРУГУ СЕМЬИ (ДО СЕРЕДИНЫ 1941 ГОДА)

Об отце я еще много расскажу в ходе дальнейшего повествования. Сейчас я хочу рассказать о детях мамы Хаси и папы Хаима, самых лучших родителей в мире. нас было четверо: три мальчика и одна девочка. И у каждого судьба сложилась по-своему.

Самым маленьким и, естественно, самым любимым в нашей семье был мой братик Мотелэ. Он был спокойным, умным и подвижным мальчиком, который всем интересовался. К пяти годам он свободно читал и знал азы арифметики. Он знал названия всего рабочего инструмента отца и охотно помогал матери в домашних делах. В детский садик он не ходил, а его воспитанием полностью занималась мама. Отец зачастую брал его на работу, и Мотик успевал за день побывать во всех цехах. Особенно ему нравился колесный цех, так как здесь все было знакомо. Его очень любили и разрешали подержать инструмент в руках, показывая при этом, как им пользоваться. Здесь же, по прошествии некоторого времени, он научился работать с инструментом. Отец в нужный момент был рядом с Мотиком и всячески оказывал ему в этом необходимую помощь.

К шести годам он построил свои «драбинки». Это была маленькая тележка на четырех колесах с боковыми ограждениями и управляемым передком. По существу это была телега в миниатюре. В основном вся деревянная ее часть была сделана маленькими ручками братика, и лишь оковку ее металлом произвел папа не без «помощи» Мотика. Это была тележка, удивившая соседей и знакомых своей конструкцией и мастерством исполнения. Тележка эта была семейной гордостью. На ней можно было легко разместить и перевозить груз весом 150 – 200 килограммов. Когда мать ходила на рынок за

покупками, Мотик всегда был рядом со своей тележкой. Встречные прохожие очень часто останавливались и с восхищением рассматривали это удивительное творение.

Вместе с тем мой братик, будучи ребенком, с удовольствием играл со своими сверстниками, очень любил все, что любят другие маленькие дети. Он рано научился плавать и очень любил водоемы, где с удовольствием купался.

Мог ли кто-нибудь или когда-нибудь представить или подумать о том, что жизнь этого удивительного мальчика, нашего любимца Мотика, оборвется в восьмилетнем возрасте, когда фашистские гады убили его? Проклятие!

Такая же участь постигла и мою единственную сестричку Хавелу, которой было всего 13 лет. Хавела родилась третьей в нашей семье. Уже с рождения, по словам родителей, это было удивительное пухленькое существо с черными волосиками и карими глазками. В ясли или садик сестричка не ходила, ею полностью занималась мама. Это была неразлучная пара. На чей-нибудь окрик: «Хавелэ!» всегда следовал ответ мамы: «Она здесь». В школу она пошла хорошо подготовленной. Она знала алфавит, умела складывать слоги, неплохо считала и рисовала. Хавелэ была чистой и очень следила за своими нарядами и внешним видом. Мать в этом ей всячески потакала и удовлетворяла все ее капризы. Она любила музыку и очень хорошо пела свои любимые песни. Хавелэ очень интересовалась живописью и знала многие картины известных художников.

Училась моя сестричка хорошо, приносила домой только отличные и хорошие отметки. Родители, и особенно папа, ее за это часто хваливали. Она очень любила, когда ее хвалили! У нее было много друзей и, в основном, мальчики. Хавелэ очень любила книги и была активным читателем в школьной библиотеке. Она была очень красивой девочкой с прекрасной фигурой и она гордилась этим. Порой она рассуждала, как взрослая, хотя к началу войны она закончила только пятый класс. Словом, она жила нормальной жизнью молодой девушки и очень много мечтала о будущем. Порой ей хотелось стать портнихой, а порой – доктором. И все мечты рухнули, как картонный домик, когда Слунк захватили немцы. Но об этом чуть позже.

Сейчас я хочу рассказать о моем брате Береле (Борисе), который родился лишь на полтора года позже меня. Это незначительная разница в возрасте, и поэтому родители, считая нас мальчиками-сверстниками, применяли к нам одинаковый метод воспитания. Мы вместе играли в различные детские игры, вместе какое-то время ходили в один детский садик, вместе, как говорится, питались из одного котла и так далее и тому подобное. Мы друг друга очень любили и записали. Единственным моим преимуществом было то, что вся новая одежда и обувь доставались мне, а поношенное или переделанное – брату. Роста мы были одинакового, но я был намного плотнее его. У меня были черные курчавые волосы, а у Бориса – светлые, прямые. Я был похож на типичного еврейского мальчика, а он – нет. Это различие сохранилось и в зрелом возрасте. Каждый из нас с малых лет выполнял определенные домашние работы, многие из которых были постоянными и требовали нашего совместного труда. По мере взросления у каждого из нас появились свои друзья и свои интересы. И это зачастую приводило к конфликтным ситуациям, которые после словесных перепалок иногда перерастали в кулачные разборки, требовавшие вмешательства родителей.

К семи годам Борис был определен на учебу в русскую школу. Я же к тому времени учился во втором классе еврейской школы. Не знаю, чем руководствовались родители, отправляя своих детей на учебу в разные школы. Не исключено, что это явилось следствием ухудшения взаимоотношений и взаимопонимания между нами. Возможно также, что родители осознали бесперспективность окончания еврейской средней школы при отсутствии в стране высших учебных заведений с преподаванием на еврейском языке («идиш»).

Учился Борис очень хорошо. Его очень интересовала техника и различного рода машины. Когда к нему попадали что-либо из этого он досконально изучал каждую деталь и

успокаивался лишь тогда, когда узнавал, почему и каким образом она работает. И это предопределило его дальнейшую судьбу.

По окончании им седьмого класса семейным советом было решено, что Борису целесообразнее продолжить учебу не в средней общеобразовательной школе, а в техникуме. Для этого Борисом был выбран Электротехнический техникум, расположенный в городе Минске. Он считал, что именно здесь он сумеет получить интересующую его специальность. Позже, успешно сдав вступительные экзамены, Борис стал его студентом, чему вся наша семья была очень рада. Вместе с тем родители были огорчены тем, что дальнейшая учеба сына будет проходить вдали от дома и без их присмотра. К началу занятий Бориса родители поработали на славу. Было закуплено все необходимое для учебы, начиная от карандашей и кончая портфелем. Закуплено было нижнее и верхнее белье, а также ботишки и тапочки. Мать сшила ему прекрасный костюм, что явилось сенсацией, так как нас, старших детей, до этого в костюмы не одевали. В новом костюме и в новых ботинках рослый Борис смотрелся малолетним франтом.

До железнодорожного вокзала брата провожала вся семья, а в Минск вместе с ним поехала наша мама. Ее очень волновал этот отъезд сына, так как впервые ее ребенку предстояло длительное время жить и учиться в незнакомом городе. Им надо было определиться, где будет жить Борис, где и как он будет питаться, каким путем он будет обеспечен учебниками, постельным бельем, кто будет за ним присматривать и многое, многое другое. После нескольких дней совместного проживания матери и сына в Минске большинство возникших проблем было решено. Здесь, в Минске, наглядно проявилось упрямство моего брата. Имея возможность поселиться на время учебы в квартире своего дяди Юдула (родного брата матери), он этого не сделал. Причем все доводы матери и дяди в пользу такого решения никакого воздействия на него не оказали. Он, которому было всего-то 13 лет, настоял на своем и поселился в общежитии техникума.

Определив сына в общежитие и разобравшись с другими, связанными с учебой вопросами, мама вскоре вернулась домой. Ее брат Юдул обещал присматривать за племянником и, надо сказать, делал это очень добросовестно. Он не только присматривал, но и помогал своему племяннику, когда в этом возникала необходимость. Так, например, в суровую и тяжелую зиму 1939-1940 годов он подарил Борису дорогой импортный полушубок, который оказался очень кетати, и которым мой брат очень гордился.

Отъезд брата мы все очень болезненно перенесли. Но человек ко всему привыкает, и мы не были исключением. Тем более, что периодически Борис нас навещал. Это обычно бывало один раз в две недели – на один день (воскресенье), когда в техникуме не было занятий. Вся наша семья ожидала эти дни с нетерпением. Но настоящим праздником для всех нас были перерывы между семестрами и каникулы между курсами, когда Борис приезжал домой и длительное время мы бывали вместе.

Мать также практиковала «инспекционные» поездки в Минск, одновременно подвозя сыну любимые им домашние продукты. Иногда мать брала кого-нибудь из нас, детей. Это были радостные события. Ведь поездка в Минск давала возможность не только лишний раз повидаться с братом, но и познакомиться с достопримечательностями этого красивого большого города, столицы Белоруссии.

Борис очень любил техникум и занимался с большим желанием. По мере накопления знаний увеличивалась его тяга к технике, и мать по его просьбе постоянно занималась поисками какой-то книги, которую он хотел бы иметь. Очень быстро выросл мой братик.

Здоровье у Бориса было отменное и в свободное от занятий время он усиленно занимался спортом, причем страстно любил футбол. Ведь закаляться он начал еще с дошкольного возраста, когда старался доказать свое превосходство над старшим братом. Он очень любил посоревноваться со мной, например, в том, кто из нас сможет дольше походить босиком по снегу в зимнее время или кто больше времени сможет прокатиться на

нашем «чертовом» велосипеде, в котором седло размещалось чрезмерно высоко для детей, а рама не давала возможности даже попытаться сесть на него. Ведь это был велосипед марки «Харьков» для взрослых, который отец выиграл в лотерею. После каждой такой победы Борис был в восторге.

Все складывалось благополучно, как у брата, так и в нашей семье. К лету 1941 года брат Борис заканчивал второй курс техникума, братика Мотеля готовили к школе, сестричка Хавелю заканчивала пятый класс, а я готовился к сдаче экзаменов за десятый класс и получению аттестата зрелости. Отец работал зав. производством артели, а мать занималась домашним хозяйством, детьми и общественной работой. И кто бы мог подумать, что все это неожиданно оборвется и наступит ужасное время для всей нашей семьи и для каждого ее члена в отдельности?

Перед началом дальнейшего повествования считаю необходимым сделать небольшое, но крайне необходимое отступление. Все, о чем я рассказал выше, является абсолютной правдой. Правдой, восстановленной моей памятью, памятью члена нашей большой и дружной семьи. Я был очевидцем и жертвой этой страшной трагедии, происшедшей с нашей семьей в результате оккупации нашего родного города Слуцка немецко-фашистскими палачами. К сожалению, никакой другой информации у меня нет. У меня даже нет ни одной фотокарточки нашей семьи и отдельных ее членов. Все, что было, сгорело или уничтожено во время этой страшной войны 1941-1945 годов, названной Великой Отечественной. Возможно, что наличие таковых смогло бы восстановить какие-то забытые события тех лет. Но их нет. Поэтому вся надежда на мою память и на объективность изложения случившегося.

В процессе повествования о жизни нашей семьи в довоенное время я попутно рассказывал лишь кое-что о себе. Однако до начала последующего повествования об ужасной судьбе нашей семьи я должен более полно рассказать о себе. Мальничество жизнь у меня была такая же, как у многих других детей. В семилетнем возрасте родители привели меня в первый класс еврейской школы. Почему именно в еврейскую — до сего времени не понимаю. Школа, в которой я учился, мне очень понравилась. В ней работали отличные учителя, глубоко и досконально знающие свое дело. Почему-то учеба давалась мне очень легко и почти по всем предметам у меня были отличные отметки. Знания, полученные именно здесь, очень помогли мне в последующей моей жизни.

По окончании шестого класса мне за отличную учебу и примерное поведение была вручена бесплатная туристическая путевка по реке Днепр с посещением городов Киев, Днепропетровск, Днепродзержинск и Днепродзесс. Это была моя первая в жизни самостоятельная поездка (правда, в составе группы) далеко за пределы своего родного города. Мне было что рассказать об увиденном, услышанном и познанном. Ведь мы проплыли по реке не одну сотню километров, причем на комфортабельном пароходе, специально предназначенном для туризма. Мы посетили гиганты промышленных предприятий, и я был очень горд этим. Побывав на самой мощной в нашей стране гидроэлектростанции, мы восхищались этим гениальным творением человеческой мысли и человеческих рук.

Нас поразили своей красотой и величием город Киев — столица Украины. Его улицы и скверы, парки и цветочные оранжереи, исторические памятники и музеи и многое другое буквально поразили и покорили нас. А Печерская лавра с мошами и подземными ходами, где мне посчастливилось побывать, запомнилась на всю жизнь.

В этом городе произошел довольно грустный для меня эпизод. При поездке на трамвае, когда я высунул голову в окошко, ветер подхватил и унес с моей головы новенькую тюбетейку. Эту потерю я очень переживал, так как тюбетейка была подарена мне родителями за успешное окончание учебного года. Когда я по возвращении домой рассказал о случившемся моим родителям, они меня только ласково пожурили: «Не будь раззявой».

К началу учебного года стало известно, что еврейские школы в ближайшие два года будут закрыты и что детям разрешен переход в любую русскую или белорусскую школу с сохранением уровня полученного образования. Мои родители, узнав об этом, очень заволновались. Заволновался и я, так как заканчивал седьмой класс и необходимо было определиться, в какую из школ, с учетом лучшего владения языком, перевестись. При всех вариантах меня ожидали тяжелые испытания, новые товарищи, новые учителя, новые предметы и изучение их не на еврейском, а на одном из двух возможных языков. Выслушав множество советов и извеслив свои возможности и знания, я, окончив седьмой класс еврейской школы, перевелся в восьмой класс 5-й средней русской школы г. Слуцка.

Для меня настало довольно трудное время. Если раньше мне учеба давалась легко, то в новой школе на подготовку по каждому предмету мне приходилось затрачивать в два (а порой и в три) раза больше времени. Практически я был лишен свободного времени. Родители, видя все это, освободили меня от домашних обязанностей, которые я до этого выполнял. «Терпение и труд все перетрут», - говорится в одной из русских пословиц. Что-то подобное произошло и со мной. Уже восьмой класс я закончил без единой тройки и вошел в число лучших учеников школы.

Сменив одну школу на другую и встретившись с трудностями, я неожиданно для себя как-то сразу повзрослел. Именно в это время меня начал волновать вопрос о моем будущем. Мысли о том, кем я хочу стать после окончания средней школы и получения аттестата зрелости, не покидали меня ни на минуту. Порой мне казалось, что я хочу быть инженером, для чего мне необходимо будет продолжить учебу в институте, а порой мне думалось, что я должен стать профессиональным военным, поступив для этого в военное училище. Иногда появлялось желание освоить хотя бы одну специальность моих дедов и отца, для чего не понадобится покидать родной дом. Но здесь я был уверен, что ни мать, ни отец с таким моим решением не согласятся. Были и другие задумки, так что в моей голове был явный ералаш. Успокаивало меня лишь то, что до окончания школы оставалось еще много времени и что к тому времени я сумею принять решение, кем стать и где учиться. К моему великому удивлению этот сложный вопрос разрешился неожиданно для меня очень просто и относительно очень быстро. Но об этом все по порядку.

Международное положение в мире к тому времени было значительно осложнено агрессивной политикой гитлеровской Германии. Она захватывала одну страну за другой, не встречая серьезного сопротивления. В войну были втянуты Англия и Франция, причем Франция была легко проглочена немецким фашистским государством. Это заставило нашу страну принимать titанические усилия по улучшению ее обороноспособности. Не перечисляя всех проводимых в связи с этим мероприятий, назову лишь некоторые из них. Так, в старших классах средних учебных заведений был введен новый предмет, который мы называли «военкой», где мальчиков обучали военному делу. При высших учебных заведениях были открыты военные кафедры, на которых студенты проходили курс специальной военной подготовки. А в военных училищах, в связи с дополнительной потребностью в офицерских кадрах, был значительно увеличен прием курсантов. Ответственность за обеспечение этого дополнительного набора курсантов возлагалась на районные и городские военные комиссариаты. Вот эти три проводимых в стране мероприятия совершенно неожиданно и четко определили мое будущее.

Началось все это с девятого класса, когда в расписании занятий появился новый предмет, которого раньше не было. Преподавал его кадровый офицер, майор Шнэк (запомните эту фамилию), который ввел строжайшую дисциплину и требовал четкого выполнения отдаваемых приказов. Периодически он, Шнэк, представлял в военкомат поименные данные о потенциально возможных кандидатах в курсанты военных училищ.

В начале занятий в десятом классе я был приглашен в горвоенкомат, где меня, как перспективного военнообязанного, поставили на учет. В процессе беседы мне было предложено поступить в военное училище. Причем, ссылаясь на советский патриотизм и

обязанности комсомольцев по защите родины, данное предложение прозвучало как приказ. Поскольку призывным возрастом считалось 18 лет, а мне было к тому времени немногим более 16-ти, я обещал подумать и о принятом мною решении сообщить.

Я бы покривил совестью, если бы сказал, что это предложение пришлось мне не по душе. С малых лет я любил военные парады, военную форму, военную технику, военные приветствия и многое другое, что было связано с армией. Поэтому стать кадровым военным было одним из многих других желаний при выборе будущей профессии.

И вдруг, в канун экзаменов на аттестат зрелости, где-то в конце мая 1941 года (точной даты не помню), я срочно был вызван в военкомат, где мне были вручены проездные документы в Ленинград для сдачи вступительных экзаменов в Ленинградское училище инструментальной разведки зенитной артиллерии (ЛУИРЗА). А на вырвавшийся из моих уст недоуменный вопрос: «А что же будет с моим аттестатом зрелости, и как без него я смогу поступить в училище?», – последовал невозмутимый ответ: «Все предусмотрено». Так оно и было в действительности. Для сдачи экзаменов мне вручили справку об окончании средней школы, а в отношении аттестата зрелости было заявлено, что, по договоренности со школой, он будет вручен мне без экзаменов по возвращении, после поступления в военное училище.

Реакция родителей на случившееся была однозначной. Ведь стать в перспективе кадровым военным не противоречило желанию их сына, а учеба в военном училище снимет множество родительских забот. Успокаивало и то, что быть офицером Красной Армии – это почетная и материально обеспечивающая работа. Вместе с тем, тревогу за сына вызывала беспокойная обстановка в мире. Для меня же стало ясно, что мое будущее предопределено и что поступление в училище ставило все точки над i.

Через несколько дней я уезжал в Ленинград. Меня провожала вся наша семья, несколько преподавателей, сверстники и друзья. Здесь, на вокзале выяснилось, что в этот славный город для сдачи экзаменов в различные военные училища едут еще более десятка выпускников средних школ нашего города. Во избежание возможных недоразумений, провожать нас прибыл и работник военкомата.

В Ленинград поезд прибыл точно по расписанию. Один из прохожих подробно рассказал мне, как добраться до училища. Благополучно прибыв к месту предполагаемой учебы, я доложил дежурному офицеру о своем прибытии, и колесо завертелось.

Не останавливаясь на подробностях, скажу лишь, что условия для прибывших были созданы отличные. Это касалось и режимов питания, отдыха, подготовительных занятий, экзаменов и свободного времени. Чувствовался порядок во всем. Здоровье у меня было хорошее, и медицинскую комиссию я прошел очень легко, как говорится, без сучка и задоринки. Мне предстояло сдать четыре экзамена, на подготовку каждого из них предусматривалось не менее трех дней. Воспользовавшись этим, я все вступительные экзамены сдал на «отлично».

Перед изданием приказа о зачислении в курсанты каждому абитуриенту предстояло собеседование с начальником училища. Это предстояло и мне. На собеседование я шел, будучи абсолютно уверенным, что все будет прекрасно. В начале нашего диалога начальник училища обратил внимание, что с произношением буквы «р» у меня не все в порядке. И это прозвучало для меня, как гром среди ясного неба. Ведь ни один человек мне об этом никогда не говорил, и я, честно говоря, очень испугался, подумав, что несчастная буква «р», так часто произносимая в армейских условиях, может стать препятствием моему поступлению в училище. Но, слава Б-гу, я ошибся. Между нами состоялась очень приятная беседа, по окончании которой начальник поздравил меня с поступлением в училище и выразил надежду, что я буду хорошим курсантом и хорошим офицером. Поблагодарив начальника училища за добрые слова напутствия, я заверил его, что все сделаю для оправдания его надежд. После этого я сразу позвонил родителям в Слуцк и сообщил, что их сын стал курсантом Ленинградского военного училища, чем они могут гордиться.

Выслушав в ответ поздравления и добрые пожелания, я попросил узнать дату выпускного школьного вечера и тут же узнал, что он состоится 19 июня. С этого времени все мои мысли и действия были направлены на то, чтобы успеть к этому праздничному балу. Срочно, насколько это было возможно, получил проездные документы в два конца (в Слуцк и обратно) и предписание о моем обязательном прибытии в училище в качестве курсанта к 1 сентября. Предъявив в воинской кассе свои проездные документы, я, минуя колоссальные очереди в других кассах, получил билет и к утру следующего дня прибыл в родной город Слуцк. Это было 18 июня 1941 года.

О времени моего приезда родители мною предупреждены не были, и поэтому с вокзала домой мне пришлось добираться более часа пешком и под проливным дождем. Зато моему неожиданному появлению была оказана достойная встреча. Ведь более двух недель меня не было дома, и все это время родители волновались за меня. Все это время я тоже изрядно волновался. И в награду за это я сумел вернуться домой в новом качестве курсанта военного училища. Моим же одноклассникам еще предстояло найти себе место в будущей жизни.

По просьбе родителей пришлось отчитаться за каждый день, прожитый вдали от них, причем со всеми подробностями. В течение всего дня наш дом навещали близкие люди, родственники и знакомые. Все они поздравляли меня с поступлением в училище и задавали множество вопросов. Поздравила меня и группа сверстников, которая в буквальном смысле слова вытащила меня из дома. От них я узнал о подробностях завтрашнего дня, о том, что аттестат зрелости для меня уже выписан, о том, кто будет на вечере, и многое другое. А вот о том, хорошо или плохо я сделаю, связав себя с армейской жизнью, пришлось выслушать различные точки зрения, но в основном все одобрили мою решимость в выборе профессии.

Вернулся я домой поздно вечером и, впервые за много дней оказавшись на своей кровати, заснул богатырским сном. Проснулся я очень поздно, и после сытного завтрака из любимых блюд вся семья помогала мне подготовиться к предстоящему торжеству. Выяснилось, что, пока я находился в Ленинграде, родители по случаю окончания средней школы, впервые в моей жизни, купили мне костюм. В черном костюме, белой сорочке с галстуком и в добротной обуви я смотрелся вполне прилично.

Мать еще ранним утром успела испечь большой торт, а Мотелэ и Хавелэ из выращенных ими цветов приготовили большущий букет. Отец по случаю предстоящего вечера явился домой чуть раньше обычного и стал приводить себя в порядок. От Бориса была получена телеграмма, в которой он поздравил меня с двумя знаменательными событиями: окончанием средней школы и поступлением в военное училище.

Вечером я и мои принарядившиеся родители, прихватив с собой торт и букет, отправились в школу. У входных дверей нас гостеприимно встретил швейцар, а в холле играл духовой оркестр. В спортивном зале были накрыты столы, куда мать передала принесенный торт. Поднявшись на второй этаж, мы оказались в актовом зале, где все было приготовлено к торжеству.

Торжественный вечер, посвященный вручению аттестатов зрелости выпускникам 5-й средней школы г.Слуцка, открыл ее директор. Он поблагодарил нас за хорошую учебу, поздравил с успешным завершением школы и пожелал каждому из нас хорошо определиться в жизни. Добрые слова и пожелания высказали все выступающие, причем каждый учитель похвалил кого-нибудь из нас. А военрук Шнэк похвалил меня за правильно принятое решение посвятить свою жизнь защите родины и призвал молодых людей, будущих ее защитников, сделать то же.

По завершении выступлений начался торжественный церемониал. Каждый выпускник приглашался на сцену, где его очень тепло поздравляли с окончанием школы и под туш военного духового оркестра вручали Аттестат Зрелости.

После окончания торжественной части вечера, перейдя в спортивный зал, мы приступили к самой лучшей в жизни трансзе, к выслушиванию и произношению прекрасных тостов и к танцам под звуки того же оркестра. Этот вечер, запомнившийся мне на всю жизнь, продолжался до рассвета 20 июня.

Сколько за этот вечер было высказано добрых слов друг другу, объяснений в любви, обещаний и заверений! Сколько было смеха и веселья! Словом, вечер удался на славу, и после него каждый из нас почувствовал себя взрослым и ответственным за свою судьбу человеком. И каждый был уверен в том, что в нашей прекрасной стране его ждет светлое будущее.

Последующие два дня прошли как во сне. Сначала – в реальном сне после вечера, а затем – настоящий сумбур: встречи с друзьями, прогулки на велосипедах в зеленые зоны, купание в речке, прогулки в парке, помощь родителям по дому и т.д. и т.п. Ведь наступило время, когда с плеч был скинут приличный груз, а впереди нас ждали летние каникулы и отдых.

Чтобы все вышеизложенное и последующее повествование были правильно поняты, необходимо иметь четкое представление о стране, в которой мы жили. При этом нельзя также забывать, что происходило все это более шестидесяти лет тому назад, когда условия жизни были совершенно иными. В то время на нашей родине даже радиоприемник считался предметом роскоши. Только из репродукторов, установленных в домах и на улицах, можно было получить какую-то информацию о происходящих в мире событиях и о новостях. Причем в большинстве своем эта информация была искаженной, фальшивой или непонятной, так как отбиралась она пропагандистским аппаратом страны или подвергалась строжайшему цензурному контролю.

Такое же положение было и с прессой. Все издаваемые газеты, от центральных до районных, были под неусыпным оком государства. Неудобные властям материалы не печатались, а при выпуске такого номера газеты тираж полностью конфисковался, а автор или редактор сурово наказывались.

Домашние телефоны имели только большие начальники и избранные. Междугородная связь осуществлялась через телефонные узлы, куда необходимо было приходить как вызывающему, так и принимаемому, причем о предстоящем разговоре приглашаемых оповещали телеграммами. Все эти переговоры полностью прослушивались.

Обмениваться почтовыми и телеграфными отправлениями с жителями других стран мы не могли, так как с одними такая связь была просто запрещена, а с другими – осуществлялась под строжайшим контролем.

Простые советские люди, проживая в таких условиях, практически были оторваны от всего мира, не представляли и не понимали, что в нем творится.

В то далекое время в выпускаемых на экраны кинофильмах показывали, что в нашей стране одни рекорды побивали другие; что социалистическая промышленность выпускает продукцию по многим параметрам превосходящую капиталистическую; что лучше колхозного строя в мире нет; что наши вооруженные силы самые мощные и в состоянии справиться с армиями всего мира, и многое другое, не выдерживающее никакой критики. Но мы свято в это верили, так как были уверены, что преподносимая нам информация абсолютно точная и правдивая, и что мы живем в самой лучшей стране мира с самым мощным военным потенциалом. И как можно было этому не верить, когда в песнях, пришедших с киноэкранов, были такие, например, слова:

Броня крепка и танки наши быстры,

И наши люди мужеством полны.

В строю стоят советские танкисты,

Своей великой Родины сыны.

Время огнем, сверкая блеском стали,

Пойдут машины в яростный поход.

Когда нас в бой пошлет товарищ Сталин,
И первый маршал в бой нас поведет.

Или другая песня:

Все выше, выше и выше
Стремим мы полет наших птиц,
И в каждом пропеллере дышит
Спокойствие наших границ.

Страна была пронизана духом советского патриотизма. И, зная о беспокойствии в мире, о том, что в мире пахнет порохом, каждый думал, что все это происходит за границей, что нас это не касается, а если коснется – все закончится прекрасно.

А сейчас, когда вы получили некоторое представление о нашей жизни в Советском Союзе в те годы, я продолжу свой рассказ с надеждой, что вы сумеете более полно и правильно понять и осознать происшедшее.

МЕЖДУ ЖИЗНЬЮ И СМЕРТЬЮ (1941 – 1945 ГОДЫ)

В субботу, после многочисленных встреч с моими товарищами по школе и их родителями, когда родители старались выудить из меня все трудности с которыми их чаду, возможно, придется встретиться при выборе своего будущего, я, наконец, вернулся домой. Было это поздней ночью, когда все мои уже спали. Стараясь не разбудить их, я тихонечко улелся в постель и тотчас же уснул. Сон был настолько крепким, что я даже не услышал три мощных взрыва, прогремевших на заре где-то вдали от дома и сильный гул пролетающих затем над домом самолетов. Рассказав мне об этом, родители были возмущены действиями военных, которые, проводя учебные стрельбы, даже ночью не дают людям спокойно спать.

Закончив утренний туалет и позавтракав, я отправился на встречу с моим другом. Мы должны были встретиться на пляже и провести предстоящий июньский солнечный день у воды, купаясь и загорая. Располагая запасом времени, я медленно, оглядываясь по сторонам, продвигался к условленному месту. Жизнь кругом шла своим чередом. Крестьяне в этот воскресный день, как обычно, подвозили продукты питания и живность на базар с тем, чтобы продать их, за вырученные деньги купить в магазинах все необходимое для жизни. Ведь за свой труд колхозники получали от колхоза только натуральные продукты, выращенные их трудом, и ни копейки деньгами. А навстречу со стороны рынка шли счастливые покупатели свежих и вкусных продуктов. Строем прошла небольшая группа военных, что для нашего города, где дислоцировалось несколько воинских частей, было вполне нормальным явлением. А вот почему на возвышенности бывшего еврейского кладбища, недалеко от места нашей предстоящей встречи, расположились три зенитных установки, было совершенно непонятно. Непонятно было также, куда промчались галопом два кавалериста.

Размышляя об увиденном, я проглядел момент появления в небе пяти самолетов, из которых три были наши истребители, а два – чужаки, обозначенные белыми крестами. Маневрируя на больших скоростях и делая непостижимые виражи, они стреляли друг в друга. Это был самый настоящий воздушный бой с вражескими самолетами. Окончился он очень быстро, когда два наших истребителя загорелись и упали на землю, а третий пошел на посадку, весь окутанный дымом. Я был шокирован увиденным, забыл даже о предстоящей встрече с другом и направился домой.

Дома меня так рано никто не ожидал. На вопрос: «Что произошло?», я рассказал об увиденном воздушном бое и о необычном поведении военных. И когда вслед за этим из

уст родителей мне стало известно, что ночью на военный городок были сброшены бомбы, взрывы которых были ими восприняты как учебные стрельбы, я понял, что война добралась и до нашей страны. Непонятно было, почему об этом нет сообщения нашего правительства. И только спустя восемь часов после начала войны министр иностранных дел СССР Молотов в своем выступлении по радио оповестил советский народ о вероломном нападении Германии на Советский Союз и заявил, что, несмотря на внезапность нападения, враг будет отброшен, разбит и уничтожен. Это было в 12 часов дня, в воскресенье, 22 июня 1941 года.

Прослушав это сообщение, я был весь в гневе. В гневе на немцев, которые навязали нам войну, и в гневе на наше правительство, которое оповестило свой народ о начале войны с задержкой на много часов. В результате этого запоздалого сообщения многие военнослужащие и мирные жители были убиты и покалечены только из-за незнания о начале этой войны. Ведь еще более двух часов тому назад я своими глазами видел гибель экипажей трех советских истребителей, которые внезапно были атакованы и сбиты фашистскими самолетами. Так, по крайней мере, показалось мне. А если это не так, то как могло случиться, что два самолета противника без каких-либо потерь расправились с тремя советскими истребителями, которые, по определению нашего правительства, считались самыми лучшими в мире?!

После услышанного по радио мои родители как-то сразу сникли, очевидно, не понимая, что им следует делать и предпринять в данной ситуации. Я начал успокаивать их, заверяя, что наши мощные вооруженные силы быстро расправятся с немецкими войсками, и все станет на свои места. Как мне показалось, это несколько успокоило родителей. Хотя сам я почему-то верил в это с трудом. Зато я четко понимал, что для меня, по возрасту не подлежащего призыву в Красную Армию, и в то же время номинально являющегося курсантом военного училища, наступило очень тяжелое время. Время, когда сам не знаешь, что следует делать и к кому следует обратиться за помощью или советом.

После долгих раздумий я понял, что только в горвоенкомате могут дать квалифицированный ответ и указать место, уготовленное мне в это тяжелое для страны время. По пути в военный комиссариат я встретил хорошего знакомого, который, узнав, куда и зачем я направляюсь, воскликнул: «Ты что, ничего не знаешь?! Ведь военкомат ночью разбомбили!». Мою реакцию на услышанное передать трудно, но вы сами можете ее представить. А мысль о том, что я должен делать в условиях войны и где мое место в это тяжелое время, не покидала меня ни на минуту.

Несмотря на кажущееся спокойствие, на улицах города появилось значительно больше, чем обычно, людей, на лицах которых были беспокойство и тревога. Очевидно было, что сообщение о начале войны встревожило не только нашу семью.

Остаток этого первого ужасного дня войны и последующая ночь прошли для города без эксцессов. Вместе с тем отсутствие каких-либо правительственных сообщений о военных действиях на фронте порождало различного рода слухи, причем совершенно противоречивые. По одним – немцев вытеснили с нашей земли, и война переместилась на их территорию, а по другим – немцы успешно продвигаются вглубь нашей страны, не встречая серьезного сопротивления. Наша же семья была уверена в том, что Германия получила достойный отпор, а что касается слухов о захвате немцами наших территорий, то они являются просто провокационными. Не может того быть, чтобы наша страна, располагающая самыми лучшими вооруженными силами в мире, допустила это.

Несмотря на войну, город жил обычной жизнью. Предприятия и учреждения работали по своим графикам. Настораживало лишь то, что жители начали усиленно запасаться такими продуктами, как сахар, соль, мыло, сухари, керосин и другими, в результате чего полки магазинов заметно опустели. А к концу дня прошел слухок, что на улицах города появились молоденькие лейтенантики в новенькой форме и экипировке, в связи с чем подспудно возникал вопрос: «К чему бы это?». Ночью в городе, впервые с

начала войны. Были слышны единичные выстрелы и автоматные очереди, а утром стало известно, что это была перестрелка между патрулями и этими лейтенантами, которые на самом деле были переодетыми немецкими диверсантами.

Откуда-то стало известно, что ночью немецкие самолеты очень сильно бомбили Минск. Это известие очень встревожило нашу семью. Ведь в Минске учился Борис, и мы о нем ничего не знали с момента начала войны. Мать, узнав о бомбардировке, в нервном шоке носилась по дому и причитала: «Как там наш Берелэ, что с ним?!!»

В городе появились первые беженцы, а вернее, беженки – жены и дети офицерского состава приграничных районов. С их появлением наши познания о том, что происходит на фронте, о месте сражения, о наших потерях и т.д. остались прежними. На наши вопросы, очевидно, боясь ответственности за разглашение военной тайны, следовало либо полное молчание, либо расплывчатые ответы. Ясность проявилась лишь в одном: война идет на нашей территории, и немцы продвигаются вглубь страны.

Уже укладываясь спать, впервые между нами, взрослыми, зашел разговор о возможной эвакуации вглубь страны. Слухи о тайной эвакуации семей руководящего состава города начали появляться накануне. А вот сегодня, на четвертый день войны, Хавелэ и Мотелэ своими глазами увидели, как тихо и незаметно для постороннего взгляда выезжала за пределы города проживавшая рядом с нами семья начальника милиции города. Каждый из нас высказал свою точку зрения по данной проблеме. Выслушав нас, отец сказал, что об эвакуации в настоящее время речи быть не может, так как нет указаний городских властей на это. Самовольный же выезд повлечет за собой несвыход на работу, а по существующим законам даже опоздание на работу на минуты влечет за собой тюремное заключение. «Это то, что касается меня», - сказал отец. Что же касалось семьи, то в целях безопасности он не против был бы отправить нас вглубь страны, но железнодорожный и автомобильный транспорт обслуживал только военных. Поэтому ему нужно было подумать, каким путем это возможно сделать. Вместе с этим он напомнил нам, что Слуцк находится от границы на расстоянии около 300 километров, что само собой является надежным тылом для всех нас.

Утром 26 июня в районе русского кладбища немецкие самолеты выбросили десант, с которым небольшая группа наших военных вступила в ожесточенный бой. Вскоре к сражению присоединились два небольших самолета противника, которые методически с небольшой высоты расстреливали наших солдат. Выброс десанта и вид немецких самолетов, яростно и безнаказанно расправившихся с гореткой защитников родины, с новой силой растревожили наши души. А когда несколько часов спустя в небе появилось множество немецких самолетов, которые сбрасывали бомбы на городские кварталы, а артиллерия противника издалека начала беспощадный обстрел города, мы поняли, что попали в ловушку и необходимо, пока еще такая возможность есть, сделать что-то для спасения наших жизней. Незамедлительно мы покинули домашний очаг и бегом направились к густому кустарнику на окраине города, наивно считая, что здесь нас не заметят и можно будет переждать, пока этот обстрел города закончится.

Не успели мы прийти в себя от увиденного, услышанного и пережитого, как со стороны колхозного поля послышался нарастающий гул моторов. Внимательно взглядевшись, я чуть не потерял дар речи. В стороне от нас по проселочной дороге, поднимая столбы пыли, с трохотом приближалась к городу колонна мотоциклистов и танков в сопровождении самолетов, которая не вела огня. Неожиданно появившийся откуда-то наш истребитель был моментально сбит. Вскоре вся эта грозная вражеская техника, обрушив шквал огня, вошла в горящий город, а наши души разрывались на части от увиденного.

Прошло немало времени, и стрельба в городе почти прекратилась. Зато в небе начали свирепствовать немецкие истребители. Они обстреливали все и вся. Над нашим кустарником на бреющем полете появилось несколько самолетов, которые со второго

захода начали яростный обстрел кустов. Нам показалось, что наступил конец света, ибо эти ужасные налеты продолжались очень долго.

После первых самолетных обстрелов выяснилось, что в кустах прятались не только мы одни. И те из прячущихся, у которых нервы не выдерживали, начали выбегать из кустов, направляясь к колхозному полю. Именно это, по моему глубокому убеждению, спасло нам жизнь.

Как только немецкие летчики увидели мечущихся людей, они начали самую настоящую охоту на каждого из них. А ведь это были сугубо гражданские лица разного возраста, от младенцев до глубоких стариков. Что здесь творилось, невозможно себе даже представить, так как результат этой воздушной охоты был ужасным: множество убитых, раненых, просящих помощи, кричащих, мечущихся, посылающих проклятия и даже тронувшихся умом людей. Никто не помогал другому, каждый был в глубоком шоке. Впервые в жизни я увидел вблизи убитых и раненых на войне людей, да еще таким зверским путем и в таком большом количестве.

Завршив этот кошмарный разбой и совершив прощальный облет кустарников, направляя на землю шквальный огонь смертоносного металла, самолеты улетели. Мы поняли, что на этот раз судьба нас миловала, и в то же время каждый из нас оплакивал свою судьбу.

Это было 26 июня 1941 года, всего только на пятый день войны, а немцы сумели уже захватить наш родной Слуцк, расположенный за сотни километров от советско-германской границы. Не сон ли это? А если нет – то кто был повинен в этом?

Между тем жизнь требовала срочных решений, так как наступили сумерки, и надо было куда-то уходить из кустов. Оставаться на месте без еды, воды и одежды было бы величайшей глупостью. А возврат в город, захваченный немцами, уже успевшими показать свой звериный облик, нас очень пугал.

Было также неизвестно, сохранился ли после ожесточенных обстрелов и возникших пожаров наш дом или хотя бы часть домашнего очага. Решение пришло как-то само собой и неожиданно, когда мы вдруг увидели группу людей, таких же беженцев, как и мы, направляющуюся к городу. И мы поняли, что возвращение домой является единственным, что можно предпринять в нашем положении, тем более, что в любой момент из Минска может вернуться наш Борис.

Добирались мы домой очень медленно и осторожно, постоянно оглядываясь по сторонам, боясь встретиться с немцами. Приблизившись к району нашего проживания, мы с некоторым облегчением вздохнули, увидев, что дом наш уцелел. А услышав вслед за этим грустное мычание нашей коровы, которую не доили более суток, и визжание не кормленных недавно купленных двух поросят, поняли, что жизнь продолжается.

Сердобольная мама, несмотря на пережитое, сразу же пошла помочь корове освободиться от молока, а мы с отцом, следуя ее примеру, подготовили и принесли корм поросят. Куры и гуся нас особенно не беспокоили, так как это было время их сна. Приготовив и поев горячий ужин и немного успокоившись, мы начали обдумывать, что следует предпринять, чтобы выжить в это ужасное для нас время. О том, что немцы уже принесли и еще принесут много горя и бед жителям города, сомнений не было. А вот как долго эта оккупация может продлиться, будут ли работать предприятия и учреждения и кто сможет на них работать, где и за что можно будет купить продукты питания и другие предметы, необходимые для жизни – на эти и многие другие вопросы ответа не было. Очень мучил нас вопрос об отношении немцев к евреям, и будет ли оно такое же, как ко всем остальным. Ведь перед войной в нашей стране показывали фильм «Профессор Мамлюк», из которого следовало, что немцы не жалеют евреев и создают для них тяжелейшие условия жизни. Поскольку все высказанное и предполагаемое было только догадками и домыслами, мы решили отправиться спать, будучи уверенными, что утром многое прояснится. Тем более, что в городе установилась абсолютная тишина.

После беспокойного сна я поднялся очень рано, когда все еще спали, и сразу же вышел на улицу. Первое впечатление было такое, что ничего существенного не произошло, все было на своих местах. И лишь приносимый ветром запах гарн, свойственный пожарищу, напоминал о случившемся и о том, что мы совершенно не представляем, что нас ожидает. Прояснится ли что-нибудь в ближайшие дни – тоже не известно. Поэтому, чтобы продержаться какое-то время, нужно было рассчитывать только на свои возможности. Нам пока повезло: дом остался невредимым, домашняя живность сохранилась, в погребе есть какие-то запасы продуктов, а на огороде растут свежие овощи. Кроме того, отец с матерью поделились со мной тем, что у них имеются некоторые золотые и серебряные изделия, а также денежные сбережения, и что мы сможем нормально прожить в связи с этим не менее десяти дней при условии, что немцы не нарушат наш образ жизни.

О каком нормальном образе жизни могла идти речь, когда мы ничего не знали о нашем Борисе: где он, жив ли и сможем ли мы когда-нибудь его увидеть? Не знали мы также, какая участь уготована всем нам в ближайшее время. Вот это полное незнание потребовало хотя бы какого-то прояснения, и я, набравшись смелости, решился пройтись по городу, чему родители очень сопротивлялись, тревожась за меня.

В городе было тихо. И все же, несмотря на кажущееся спокойствие, у меня было какое-то недоброе предчувствие. По мере приближения к центральной части города, количество разрушенных и пострадавших от обстрела домов увеличивалось, а сам центр был превращен в руины и тлеющее пепелище. Страдания и ужас были написаны на лицах редко встречающихся прохожих. Немцев в городе я не видел, но они могли появиться в любой момент.

Где-то к полудню на центральной магистрали города в направлении городов Минск и Бобруйск со стороны города Бреста начала продвигаться большая колонна немецких танков, мотоциклистов, пехоты и артиллерии, а также большегрузных крытых автомашин с прицепами. Мощный гул моторов и скрежет гусениц напугал многих жителей города и заставил их покинуть свои дома и квартиры, опасаясь повторения вчерашних событий. Но увидев этот парад немецкой военной техники, приветливо улыбающихся солдат и офицеров с закатанными рукавами, поющих под звуки губных гармоний песни, прекрасно экипированных и в то же время готовых сойти вступить в бой с противником, тяжело было поверить, что это те же войска, которые вчера разрушали город и убивали мирных жителей.

Примерно в то же время на улицах города начали появляться выходцы, в красивой зеленого цвета форме, солдаты и офицеры фашистской Германии с надписью на бляшках поясов «Бог с нами». Причем вели они себя корректно, подчеркивая отсутствие враждебности к жителям захваченной территории, что породило сомнение в способности этих чужаков принести горе и слезы нашему народу. Эти сомнения очень быстро улетучились, так как очень скоро немцы показали себя варварами по отношению к еврейскому населению и к нашей семье в частности.

Уже вечером того же дня к нам на постой был определен невысокого звания офицер. Готовясь к вчерашней трапезе, он великодушно предложил нам две буханки немецкого хлеба, от которых мы, естественно, не отказались. В знак признательности за этот жест мы предложили ему яичницу на сале, которую он с удовольствием съел. Пришедшему к нему в гости офицеру он рассказал о великолепном блюде, которым его угостили, и, будучи абсолютно уверенным, что мы славяне (так как евреи сало не едят), сказал, указывая на нас, что эти русские, кажется, неплохие люди. А затем, из завязавшейся между ними беседы, я уловил, что на днях они займут Минск, что война будет закончена в две-три недели и что они скоро покончат с коммунистами и евреями. От услышанного у меня мурашки по лбу побежали. Родителям об услышанном я ничего не

сказал в надежде, что с моими очень слабыми школьными знаниями немецкого языка я мог что-то неправильно понять или напутать.

Утром 28 июня 1941 года, т.е. на седьмой день войны, когда наш постоялец, попрощавшись с нами, заявил, что он уезжает в Минск, мы ему не поверили. А к вечеру того же дня до нас дошел слух, что ночью немецкие самолеты и артиллерия почти полностью разрушили этот прекрасный город, и что после этого немецкие войска заняли Минск. Все мы, а мать в особенности, узнав об этом места себе не находили, все думали только об одном, о нашем родном Березе.

Мы были полностью шокированы всем происшедшим с нами в первую неделю с начала войны. Моги ли кто-нибудь из жителей СССР представить себе, что фашистская Германия сможет за считанные дни войны углубиться в нашу страну на сотни километров, захватив множество населенных пунктов и столицу Белорусской республики, расположенную от границы на расстоянии более 350 километров. Куда девалась Красная Армия, мощью и героизмом которой до войны восторгалась вся страна? А чем занимались в это грозное время наши хваленые самые лучшие в мире самолеты, самые быстроходные танки и славные защитники границ нашей родины?!

Перед тем, как продолжить рассказ о нашей жизни при немецкой оккупации (если это вообще можно назвать жизнью), я заранее прошу прощения за возможные ошибки в хронологии повествования. Что касается самого рассказа, то, заверяю вас, он будет абсолютно правдивым, в нем не будет ни слова надуманного или лжи. Тем более, что речь пойдет о нашей семье, в живых из которой сейчас остался лишь я один. А о покойниках грешно говорить неправду.

После захвата Минска в нашем городе заметна стала передислокация немецких войск: одни выходили на восток, в сторону Бобруйска, а другие подходили в город с запада. Вместо военной техники на улицах появились большие крытые и открытые фуры и арбы, тяловой силой которых были до того не виданные нами мощные крупногабаритные и короткохвостые лошади, а вместо мотоциклистов появились велосипедисты. Появление этих тыловых частей мы сразу почувствовали. Они запросто лазили по садам и огородам, заглядывали в сараи и дома, к чему-то присматривались, а что-то сразу забирали с собой.

Через несколько дней два велосипедиста зашли в наш дом и, увидев нашу семейную гордость – велосипед марки «Харьков», просто забрали его. В дальнейшем не проходило и дня, чтобы кто-нибудь из немецких солдат не заглядывал в наш дом. «Яйки» и «шпики» были вначале любимыми объектами их охоты. Избегая возможных осложнений и располагая некоторым запасом яичек и сала, мы, что-то им отдавая, относительно легко избегали их присутствия.

В это время, где-то на шестой или седьмой день после захвата немцами столицы Белоруссии, неожиданно для всех нас вернулся домой Борис, наш Береза, еле державшийся на ногах. Вид у него был страшный и его трудно было узнать. Он был одет в какие-то лохмотья, несомненно худой и очень напуганный. После нашей горячей и радостной встречи он нам поведал свою грустную историю.

Несмотря на начало войны, в техникуме заканчивался экзаменационный семестр. Будучи абсолютно уверенным, что германские войска отброшены от границы, и что война уже идет на территории Германии, он особых волнений не испытывал. 26 июня он завершил учебу в техникуме и собирался на следующий день поехать домой, в Слуцк. А утром он случайно узнал, что его родной город Слуцк заняли немцы, и что дорога Минск-Слуцк забита нашими отступающими войсками, преследуемыми германскими войсками и самолетами. В этих условиях отправляться в Слуцк пешком, да еще под постоянной угрозой быть убитым или раненым, было безумием, и он решил пойти к дяде Юдулу за советом. В то время, когда он подходил к месту жительства дяди, немецкая артиллерия и самолеты вдруг начали многочасовой массированный обстрел и бомбардировку этого района города. И все это время брат вынужден был отсиживаться в

воронке от ранее разорвавшегося снаряда. Когда артобстрел и бомбардировка прекратились, он с ужасом увидел, что дом, к которому он направлялся, полностью разрушен. Попытка добраться поближе к дому с целью узнать судьбу дяди и его семьи оказалась безуспешной из-за больших завалов от разрушений и пожаров, откуда слышны были крики о помощи оказавшихся под развалинами людей. Невозможно даже представить себе, каково было ему, 16-летнему юноше, на голову которого свалилось столько бед, да еще за такое короткое время! Но это было еще не все. Когда Борис, совсем разбитый от увиденного, каким-то чудом добрался до почти полностью сгоревшего общежития, в котором находились его пожитки и документы, он упал в обморок. Как долго длилось обморочное состояние, он не знал. Он помнил только, что, очнувшись и не представляя, что следует предпринять в этом ужасном для него положении, добрался до каких-то кустиков и неожиданно заснул крепким сном. А когда от сильного грохота и шума он внезапно проснулся и увидел передвигающиеся по соседней улице немецкие танки с солдатами на них, его охватил ужас от безвыходности его положения. Но жизнь продолжалась и, понимая, что без одежды и документов, без продуктов питания и денег, да еще в условиях немецкой оккупации, его ждет неминуемая гибель, он отправился в тяжелую и длинную дорогу в Слуцк, к своим самым близким людям, в надежде, что они живы и что вместе легче будет пережить это тяжелое время. И дошел. А после состоявшейся встречи выяснилось, что попал он из огня да в полымя.

К тому времени немцы совсем обнаглели. Они с азартом отлавливали и забирали у жителей всю встречающуюся им живность. Только у одной нашей семьи они отобрали всю птицу, двух поросят, лишив нас основного источника существования. Даже этот явный грабеж мы почему-то посчитали проделкой какой-то тыловой части, так как не верилось, что цивилизованная немецкая нация может быть способна на такое. Но после появления в городе жандармерии и войск СС стало абсолютно ясно, что немецкие фашисты, выросшие за крайне небольшой отрезок времени (всего за 7-8 лет) — это не люди, а звери в человеческом обличии.

Эти нелюди, подобно охотникам, постоянно проводили облавы не на зверей, а на жителей города и, в основном, на евреев. Они перекрывали несколько кварталов и тот несчастный, кто в это время попадал в поле зрения карателей, был обречен. Его расстреливали либо на месте, либо в составе группы на специально подготовленной для этой цели площадке.

Напоровшись на одну из таких облав, я был схвачен немцами и вместе с другими такими же несчастными доставлен на автомашине во двор бывшего детского сада по улице Монахова, расположенного недалеко от нашего дома. Всем нам было приказано покинуть машину и стать с поднятыми руками к кирпичной стене здания. Когда мы под смех и гогот карателей направлялись к стене, один из них подошел ко мне и в резкой форме спросил, сколько мне лет. И я, по какой-то внутренней подсказке и совершенно неожиданно для самого себя, моментально выкрикнул: «Пятнадцать!». В ту же секунду каратель, указывая на открытые ворота, начал кричать: «Люс, люс» и, видя, что я замешкался, не понимая, что от меня хотят, начал стегать меня плетью, повторяя то же слово: «Люс!». Я побежал к воротам, выскочил на проезжую часть улицы и через несколько минут был уже дома. Еще не успел я отдышаться и прийти в себя от случившегося, как со стороны детского сада послышались автоматные очереди. Очевидно, судьбе было угодно и на этот раз оставить меня в живых, в отличие от тех более двадцати несчастных, расстрелянных во дворе сада.

Такие или подобные облавы проводились очень часто, причем масштабность их была разная. Были большие облавы, в результате которых фашисты за один только день лишали жизни сотни евреев. Были и очень большие облавы, когда в день расстреливалось несколько тысяч евреев. Да и технология этих зверей по уничтожению невинных людей была разной.

Однажды, вернувшись домой, я застал плачущую мать и утешающих ее Мотеля и Хавелю. На вопрос, что случилось, мать сказала, что где-то час тому назад в дом зашли два немца и, убедившись, что пришли в еврейский дом, увели с собой папу и Бориса. Это было ужасное известие, так как от фашистов можно было ожидать любой трагический исход для нашей семьи. Взяв себя в руки и стараясь как-то успокоить мать, я сказал ей, что выйду на улицу с тем, чтобы попытаться что-нибудь узнать о происшедшем. Походив несколько минут по улице и понимая нереальность моего желания, я решил вернуться. Когда я находился буквально в ста метрах от дома, вдруг рядом со мной остановилась автомашина с немцами, которые приказали мне влезть в кузов. Через несколько минут машина оказалась на территории случкого рынка, где несколько групп людей, в значительном отдалении друг от друга, под надзором фашистов переносили нечто очень тяжелое. К одной из них, в которой человек десять евреев, растянувшись на несколько десятков метров, перетаскивали или перекачивали многопудовые камни, немцы присоединили и меня. Отца и брата в этой группе я не увидел, хотя был уверен, что они здесь, на рынке, только в других группах.

Зная звериные повадки фашистских гадов и чем такие «забавы» обычно заканчиваются, я принял решение бежать, бежать, ни с чем не считаясь. И мне это удалось, хотя уверенность была нулевая. Когда в очередной раз я подходил с камнем к месту назначения, а на другом конце шеренги что-то произошло с одним из несчастных, и все внимание немцев было направлено в то место, мне незаметно удалось скрыться за деревянным забором базарной уборной. Мое исчезновение фашистами замечено не было, и я сумел после тяжелой изнурительной дороги с большими предосторожностями добраться до родного очага. Здесь выяснилось, что недавно вернулся домой отец, что все мы явились жертвами группы СС, расположившейся на рынке, и что мы бессильны оказать помощь оказавшемуся в их руках нашему Борису. Вель отец был временно отпущен одним из эсэсовцев при условии, что он принесет золотые часы матери. В качестве заложника у парвара оставался Борис. При возврате отца с часами он обещал отпустить обоих, а при невозвращении отца - расстрелять Бориса. Сколько слез было пролито нашей семьей из-за безвыходности положения, грозившей гибелью двух самых близких людей!

К вечеру ситуация резко изменилась. На пороге дома мы вдруг увидели Бориса, который, воспользовавшись густым туманом, нависшим над рынком, сумел бежать. Но ведь если немцам известно место нашего проживания, они могут появиться в любой момент, и тогда вся наша семья обречена. Если же им это неизвестно, у нас есть какое-то время для маневрирования. Отец и брат убедили нас в том, что фашисты не знают, где находится наш дом. Ведь их из дома взяли одни немцы, а на базаре их просто присоединили к работающей группе, охраняемой другими немцами. И все же, с целью исключения случайностей, я, брат и отец покинули дом и перешли жить в сарай, откуда, в случае опасности, можно легко перебраться в погреб, надежно защищенный от посторонних глаз. Ночь для нас прошла относительно спокойно, если не считать автоматные очереди, прозвучавшие ранним утром в районе колхозного поля. А утром русские соседи через улицу, будучи «еврейскими доброжелателями», сообщили нашей семье потрясающую новость. Они своими глазами видели, как немцы на рассвете из района городского рынка на двух грузовиках подвезли к полю колхоза имени 1 Мая много еврейских мужчин и здесь же всех расстреляли. Так что и на этот раз судьба милостиво отнеслась к нашей семье.

Положение евреев с каждым днем ухудшалось. Каждый еврей обязан был носить пришитую к верхней одежде спереди и сзади желтую шестиконечную звезду Могендовид. Еврею запрещалось ходить по тротуарам. Ему для движения по улице отводилась проезжая часть. Еврей обязан был при встрече с немцем низко кланяться, обязательно снимая головной убор. Евреи не имели права собираться группами более 3-х человек, заходить в общественные места, выходить за пределы города, вступать в

разговоры с немцами, появляться на улице в вечернее время и многое, многое другое. И за каждую такую «провинность» полагалась лишь одна мера наказания – расстрел. Справедливости ради следует добавить, что для евреев немцами был придуман еще один способ лишения их жизни. Это – медленная смерть от полного истощения организма вследствие полуголодного существования.

В осуществлении варварской задумки по отношению к еврейской нации фашистам помогала целая свора полицейских, набранных в основном из бывших уголовников, недовольных или обиженных советской властью людей и прочей сволочи. Это они, где и когда только могли, демонстрировали свою преданность немцам и считали за честь выдать, предать или расстрелять еврея.

Один из моих самых почитаемых учителей стал в период немецкой оккупации первым лицом нашего города. Воспрук Шнэк, который всей своей деятельностью до войны демонстрировал преданность родине и любовь к коммунистической партии и который воспитывал нас, молодых людей, в духе советского патриотизма, на деле оказался фашистским резидентом. И за это немцы пожаловали ему должность бургомистра города Слуцка. Располагая досе на многих работников довоенного периода, он помог фашистам быстро расправиться с негодными ему и полностью заняться решением еврейского вопроса.

В довоенном городе жил почти всем известный нищий, который за неделю успевал обходить город вдоль и поперек, собирая все, что ему давали. Каждому подавшему милостыню в любой форме (денежной, продуктовой или вещевой), он низко кланялся и выражал душевную благодарность. Его одлегла была подстать его ремеслу, и все его одаривали, кто чем мог. А вот с немецкой оккупацией все резко изменилось. Фашисты подарили ему особняк бывшего высокопоставленного военачальника, одели его с иголочки. И он, знавший досконально каждого жителя, стал их незаменимым помощником. Сколько человеческих жизней, в том числе и еврейских, с его помощью было погублено, известно одному только Богу.

В двух кварталах от нашего дома в своем небольшом старом домике проживал некий Малибонка, абсолютно незаметная личность при советской власти. С появлением в городе фашистских оккупантов он всю свою энергию направил на травлю лиц еврейской национальности. Каждому встречному еврею он говорил, например, что завтра будет облава и его, пархатого жда, убьют или «Бегите скорей домой, там твою семью уже расстреляли». Сколько горя этот гал и подонки причинил честным и порядочным людям!

В то далекое время я знал поименно многих врагов и напачей нашего народа и их гнусные дела. К сожалению, а, возможно, к счастью, за эти прошедшие долгие годы они выветрились из моей памяти. Но зато память крепко держит все то доброе, что сделали для нас, евреев, многие жители города, неевреи.

За несколько первых месяцев оккупации наши скудные продовольственные запасы резко сократились. Основным продуктом питания стали овощи, хранящиеся в нашем чудопогребе. Ведь с того момента, когда немцы отобрали у нас всю живность, фашисты лишили нас основных высококалорийных продуктов, в результате чего наши организмы резко истощились. И в это тяжелое для нас время проявилось благородство соседей, друзей и добрых людей, которые помогли нам выжить. Поскольку евреям запрещалось появляться в общественных местах, они, наши спасители, порой даже рискуя жизнью, покупали и приносили нашей семье продукты питания. Многие сельские жители, которые раньше пользовались услугами отца, не забывали Хаима и, проезжая ранним утром на базар мимо нашего дома, заносили ему какие-то продуктовые подарки. А некоторые соседи просто делились с нами своими продуктами с огорода.

Трудно сказать, сколько времени наша семья могла бы продержаться при таком очень скудном рационе питания. Выручило то, что в городе открылось несколько промышленных предприятий, которым требовались разные специалисты. Специальность

отца оказалась дефицитной, и ему была предложена работа на одном предприятии в качестве кузнеца.

На том же предприятии, где работал отец, вскоре, с его помощью, в качестве гвоздильщика определился с работой и я. В маленьком цеху несколько человек на станках изготавливали половые гвозди. При отсутствии какого-либо опыта работы, моя выработка, естественно, была значительно ниже, чем у других станочников. Ликвидировать этот пробел помогла мне работающая рядом со мной чудесная женщина по имени Маруся. Она за короткое время научила меня работать одновременно обеими руками и, используя каждый рабочий такт станка, добиться такой же выработки и заработной платы, как у нее. А за деньги мы здесь же, на предприятии, имели возможность купить скудный набор продуктов питания и некоторые хозяйственные товары, так необходимые нашей семье.

С момента начала работы предприятия появился новый приказ фашистов, запрещающий евреям ходить на работу и с работы поодиночке. Ходить им надлежало только строем или колонной по проезжей части улицы. По мере продвижения колонны на работу она увеличивалась за счет присоединения работающих людей, а при возвращении с работы домой она постепенно уменьшалась. Это был еще один варварский приказ, унижающий человеческое достоинство евреев и обрекающий их на новые испытания и мучения. Ведь в городе почти все улицы были грунтовыми или плохо мощеные камнем, где постоянно стояла грязь и вода, размешиваемые балаголами, фурами и автомашинами. В то время, когда жители города передвигались по добротным тротуарам, евреи месили грязь проезжей части улиц, не имея даже возможности рассмотреть дорогу перед собой. Вымазанные, выпачканные и облепленные грязью, они приходили на работу и возвращались домой с работы. Сколько труда и нервов эти люди тратили на то, чтобы избавиться от грязи.

После того, как Борис устроился на работу в какую-то мастерскую по ремонту электрооборудования, продуктовая проблема в нашей семье стала минимальной. Нам очень волновали приближающиеся холода, так как в сарае было достаточно дров еще довоенной заготовки — не менее, чем на два отопительных сезона, и все мы были обеспечены теплой одеждой. Страшила неопределенность нашего положения. Облавы начали чередоваться с погромами, причем последние носили массовый и беспощадный характер. Еврея, где бы он ни находился, всегда поджидала беда. Во время только двух ноябрьских (1941 года) погромов было убито много сотен евреев. Их вылавливали и расстреливали прямо на улицах, в домах и дворах и даже на территориях предприятий.

Где-то в начале ноября, перед самым обедом, стало известно, что немцы зверствуют в районе расположения нашего предприятия и охотятся на евреев. Неевреи, с которыми мы вместе работали, посоветовали нам немедленно спрятаться. Мы только успели забраться на чердак конюшни, где стояли на привязи три лошади, и укрыться глубоко в хранящемся здесь сене, как во дворе послышалась немецкая речь и звуки открываемых дверей. Двое фашистов зашли в конюшню и на вопрос одного из них, будут ли они залезать на чердак, второй ответил: «Нет. Здесь даже лестницы нет». И они ушли. В отдалении послышались какие-то окрики и прозвучало несколько выстрелов. Через какое-то время Маруся дала нам знать, что немцы ушли, и мы спустились со своего укрытия. Оказавшись за пределами конюшни, мы увидели нечто страшное: у стены колесного цеха лежал убитый наш товарищ Мотул Милкес, а рядом с ним небольшой пакет с продуктами, приспешенный им из дома для обеда. Стало также известно, что немцы у проса забора застрелили работника-нееврея, который, возможно, испугавшись, собирался покинуть территорию предприятия.

Мы были полностью лишены какой-либо информации о положении на советско-германском фронте и о происходящих событиях в мире. Нам ничего не было известно о том, в какой стадии находится война и ведется ли она вообще. Ведь фашисты все время твердили о своих успехах на фронте: что они взяли Москву и что скоро с Россией будет полностью покончено. Однако усилившиеся репрессии на оккупированной территории

вызывали сомнение в этом. Неожиданно наше сомнение нашло документальное подтверждение на первой странице одной из немецких газет за октябрь 1941 г., случайно попавшей в поле моего зрения. В ней крупным планом были помещены две фотографии. На одной из них были показаны советские маршалы Ворошилов, Буденный и Тимошенко, чьи подразделения были разбиты героическими немецкими войсками. На второй – портрет маршала (или генерала) Жукова, под которым в иронической форме было написано, что это – новая личность, «призванная спасти Москву». Стало ясно, что фашисты выдают желаемое за действительное, что Москва немцами не взята, что на фронте продолжаются упорные бои. И неизвестно, чем эта война, длившаяся уже более четырех месяцев, закончится для Германии и для Советского Союза. Неизвестно было также, что будет с нами и какая судьба, в связи с неясностью, кто победит, уготована еврейской нации и каждому еврею в отдельности. Ясность была только в одном: чем хуже будут дела у немцев на фронте, тем ужаснее будет наше положение.

В конце 1941 г. начала проводиться поголовная перепись еврейского населения и, в связи с этим, поползли слухи о переселении всех евреев в специально отведенный район города – в еврейское гетто. Очень не хотелось верить этим слухам, сулившим евреям нечто очень страшное и ужасное. Но, к нашему великому несчастью, это переселение состоялось весной 1942 года.

Не останавливаясь на подробностях самого процесса переселения, прошедшего с муками и обилием пролитых слез в каждой семье, я расскажу лишь об условиях жизни нашей семьи в гетто, уготованном ей фашистами и их холоуями. Нас, две семьи, поселили в небольшом домике с четырьмя маленькими комнатами и кухней. В выделенных нашей семье двух комнатухах мы сумели с трудом разместить три кровати и маленький буфет, в котором удалось разместить минимум необходимых вещей и ценностей. Всю остальную мебель и ценности, а также наш собственный жилой дом с пристройками и приусадебным участком отняли у нас немцы и разного рода другая сволочь. Но самое страшное и ужасное было то, что мы оказались загнанными на территорию, огороженную густым высоким забором и колючей проволокой с пропущенным через нее электрическим током и которая круглосуточно усиленно охранялась большим количеством фашистов, полицейских и сворой сторожевых собак. Они контролировали вход и выход в гетто и из гетто, осуществляемые через единственные ворота, специально для этого построенные. Мы, наподобие зверей, были загнаны в одну большую клетку, но в отличие от несчастных животных, которые не знали, какая судьба им уготована, мы точно знали, что ожидает каждого из нас. И если кто-нибудь думал по-другому, ему фашисты систематически напоминали, кто он, почему он в гетто и какой ждет его финал.

Почти каждую неделю днем внутри гетто проводились так называемые малые погромы, когда несколько фашистов врывалось, по их выбору, в дома, круша все на своем пути и расстреливая всех находящихся в это время в доме. Были и большие погромы, когда оцепляли какой-то район внутри гетто, все жители выгонялись из домов и направлялись к воротам. Там фашисты загоняли их в машины, отвозили в заранее подготовленное место и там расстреливали.

А в канун ноябрьских праздников 1942 года в нашем гетто было устроено настоящее побоище, в результате которого за один только день 6 ноября было уничтожено более тысячи евреев разного возраста, от младенцев до глубоких стариков. С этого дня погромы проводились очень часто, и количество проживающих в гетто евреев систематически уменьшалось. Почти в каждой семье были убиты некоторые ее члены, а отдельные семьи были полностью уничтожены. Наша же семья, волею судьбы и стечением различного рода обстоятельств, продолжала оставаться в полном составе. А жизнь в гетто, хотя странная и ужасная, все же продолжалась, продолжалась до 8 февраля 1943 года. В этот день Слуцкое гетто перестало существовать, и все еврейское население города было полностью уничтожено нацистами и их прихлебателями-полицаями и разной сволочью. С ужасом

вспоминаю некоторые подробности этого кошмарного дня для несчастных евреев гетто и для моей семьи в частности.

Рано утром этого дня я, как обычно, позавтракав и захватив с собой собойку, направился на работу через проходные ворота. Приближаясь к ним, я обратил внимание на чрезмерно большое количество гестаповцев с собаками как внутри гетто, так и за его пределами. Поняв, что затевается что-то особое, я решил возвратиться назад, но не тут-то было. Заместивший меня охранник приказал подойти к нему, ударил меня и потребовал назвать профессию. И, получив в ответ «гвоздильщик», толкнул меня в одну из рядом стоящих групп людей, таких же как я. Подобное происходило с каждым приближающимся к проходной. Такое же произошло и с моим отцом, который в ответ на требование назвать профессию, выкрикнул «кузнец», и был отправлен в ту же группу, где стоял я.

В дальнейшем события развивались с молниеносной быстротой. Из подъехавших крытых грузовиков начали выскакивать эсэсовцы с автоматами и собаками, направляясь в темпе вглубь гетто. Отдавались какие-то крикливые команды, разобрать которые из-за большого расстояния не представлялось возможным. В эти же грузовики начали спешно загонять тех людей, которые были собраны у проходных ворот. В одном из грузовиков оказались мы оба, я и отец. Какие мысли одолевали нас и других в автомашине, одному Б-гу известно. Ведь там, в гетто, остались мама, Борис, Мотелэ и Хавелэ, наши самые близкие, дорогие и любимые люди. Какова их судьба? Что их ожидает? О себе мы не думали, так как знали, что увозимые гестаповцами из гетто евреи назад не возвращались. Их просто убивали.

А произошло нечто из ряда вон выходящее. Вместо ожидаемой смерти все мы, находящиеся в автомашине, вдруг оказались в одной из камер Слушской тюрьмы. И когда один из тюремных русских надзирателей, ухмыляясь, сказал нам, несчастным людям, «Наконец-то с проклятым жидовьем в городе покончено», можно представить и понять, каково было наше состояние после услышанного. А когда вечером из окна тюремной камеры стало видно, как горит подожженное гетто, где находились самые родные и близкие люди, нашему человеческому горю, горю обреченных не было предела. Глядя на зарево от горящего гетто, у меня сердце разрывалось на части от того, что в этот самый критический и последний момент жизни моих дорогих и родных мамочки Хаим, братиков Мотелэ и Берелэ и сестрички Хавелэ я ничем не мог им помочь. Не могли помочь им и два построенных нами в гетто и скрытых от посторонних глаз подземных лаза, которые до этого неоднократно спасали нашу семью во время проводимых фашистами облав и погромов.

Неожиданные события следовали одно за другим. Ночью один из тюремных надзирателей, открыв камеру и увидев отца, с которым он до войны вместе работал и который хорошо знал всю нашу семью, вдруг крикнул: «Хаим, твой сын тоже здесь!». Отец очень равнодушно ответил: «Я знаю, вот он...» и показал на меня. Жук (так звали этого надзирателя) с обидой сказал: «Нет, Хаим, не этот, а младший». Почти потерявший дар речи отец выдавил: «Где?» и услышав в ответ: «В соседней камере», с мольбой и слезами на глазах попросил надзирателя сделать что-нибудь, чтобы мы были вместе. И, надо сказать, что Жук сделал это, разрешив брату перебежать в нашу камеру взамен кого-то, перебежавшего по своей воле в обратную сторону.

От того, что рассказал мой брат Борис находящимся в тюремной камере, у всех волосы стали дыбом. Ведь он только что своими глазами видел, как расстреливали или выкидывали из машин уже умерших или умирающих после газовых камер людей, невзирая на их пол и возраст, только за то, что они евреи. Еще утром, отправляясь на работу, он и предполагать не мог, что его вместе с другими у ворот гетто загонят прикладами в автомашину и под усиленной охраной повезут неизвестно куда. А когда их высадили за городом у вырытых рвов, они поняли, что их смертный час настал. Но оказалось, что временно (это было ясно) казнь была отложена. Им была отведена роль чернорабочих.

При невыполнении того или иного приказа эсэсовцев их избивали до смерти. И когда к вечеру эта страшная работа еще не была закончена, их, оставшихся в живых, снова посадили в автомашину и привезли в тюрьму. На брата страшно было смотреть, так как все его тело было в синяках и осадинах, а одежда - в крови.

На описание того, что творилось этой ночью в тюремной камере, где находилось двадцать пять убитых горем людей, у меня просто нехватает сил. Скажу только, что утром, перед сменой охраны, тот самый знакомый наблюдатель шепнул отцу, что камера, где вчера находился его сын, уже пуста, что ранним утром эсэсовцы приехали и увезли из нее всех.

А через несколько часов наступил черед и узников нашей камеры. Находящихся в ней евреев, под усиленной охраной гестаповцев, увезли из тюрьмы. Абсолютно все обреченные были уверены, что наступил смертный час, в том числе и наш тоже. Однако через несколько часов езда машина въехала в какие-то ворота, и оказалось, что нас привезли... в Минскую тюрьму.

Зачем обреченных на гибель людей перевозили из одной тюрьмы в другую? Какую участь уготовили этим несчастным оккупанты-разбойники? Наступит ли предел человеческому горю? Когда, как и где? Полная неясность. Никто ничего не понимал.

А на завтра был снова переезд. Снова машина, охрана и поездка в неизвестное. После относительно недолгой езды нас высадили у каких-то бараков, находящихся внутри территории, огражденной высоким забором и густой колючей проволокой с высокими сторожевыми вышками для охранников. К месту высадки подъехало еще несколько машин с узниками. Всех прибывших выстроили в ряды и каждому задавался гестаповцем только один вопрос - вопрос о его профессии. После ответа каждый из нас направлялся в одну из двух формировавшихся здесь же групп. Поскольку отец был по профессии колесник-кузнец, а брат - электрик, они попали в разные группы. Я же, назвавшись гвоздильщиком, был определен в группу отца. Вначале ни брат, ни я, ни отец не придали этому существенного значения. Но когда формирование было закончено и к группе брата были поданы автомашины, которые после загрузки их стоящими тронулись в путь, мы все трое поняли, что нас ждет очередная трагедия. Брата увезли в неизвестность, а нас оставили на месте.

Вскоре выяснилось, что мы оба (отец и я) находимся в Тростянецком концентрационном лагере, вблизи Минска. Этот лагерь был перевалочным. Сюда привозили евреев из разных европейских государств, в основном, из Германии, для уничтожения в печи крематория, который дымил круглосуточно. При лагере были разного рода мастерские, в которых работали узники различных профессий. После отправки очередной партии работающих специалистов в крематорий для их уничтожения, освободившиеся рабочие места заполнялись новыми специалистами, в основном, евреями. Двумя такими специалистами волею судьбы оказались и я с отцом, привезенные сюда из уничтоженного Слуцкого гетто. Отец был определен гестаповцами в кузницу, где выполнял различного рода работы по изготовлению и ремонту телег, подковке лошадей и т.п. Я же был определен эсэсовцами на пилораму, где выполнял тяжелейшую работу по подкатке бревен к пилораме или ручную обработку этих бревен для строительных работ.

Это был очень суровый концентрационный лагерь. Здесь каждый день проводилось построение узников и очень часто на их глазах кого-то за какие-то «провинности» избивали до смерти или просто расстреливали. Это были ужасные зрелища. Здесь особые усердие проявляли часто меняющиеся коменданты лагеря. Запомнились фамилии особо зверствующих из них: Топи и Эйхе. Как один, так и другой очень любили эти построения, так как они позволяли им демонстрировать их вседозволенность и, пользуясь этим, держать узников в постоянном страхе. Причем вся грязная работа по избиению узников проводилась постоянной группой из тех же узников, подкармливаемых комендантами. Себе же они оставляли «благородную работу», доставлявшую им удовольствие и наслаждение - выстрел в затылок обреченного.

В лагере мы оба работали очень тяжело — отец в кузнице, а я у лесопилки. Все узники за свой труд получали скудное трехразовое питание, а работающим на тяжелых работах выдавалась еще незначительная надбавка из более калорийных продуктов, называемая «цубуса». Естественно, что отец и я такую надбавку получали. Советских евреев в концентрационном лагере было немного, и они работали в разных местах, на значительном расстоянии друг от друга. Работать нам приходилось с евреями, привезенными сюда из других европейских государств. В большинстве это были немецкие евреи, знающие, в основном, немецкий язык. В результате наше общение с ними было затруднено. Мое общение с отцом тоже было затруднено, так как при размещении нас определяли жить в разных бараках. К тому же, работая в разных местах, нам не каждый день удавалось встречаться.

В концентрационный лагерь нас привезли в холодном феврале, и у каждого было лишь то, во что он был одет. Это было рабочее одеяние, которое мы не снимали с момента уничтожения еврейского гетто, и в котором мы несколько суток находились в арестантских камерах двух тюрем. И когда сразу по прибытии нас в концлагерь каждый получил полный набор новой или почти новой импортной одежды взамен оставленного в лагерном предбаннике своего старого и потрепанного одеяния, я и отец были просто шокированы этим. Не было понятно, в связи с чем к нам, узникам, была проявлена такая чуткость. Но уже через несколько дней стало ясно, что операция по переодеванию была предусмотрена лагерной администрацией из-за боязни нашей заразительности и возможного распространения инфекционных заболеваний. Что же касается одежды, в которую нас наряжали, то это были вещи, отобранные фашистами из чемоданов несчастных европейских евреев, «депортированных», согласно гебельсовской пропаганде, на новое место жительства, а на самом деле сожженных фашистами в печах Тростянецкого крематория, находящегося в нескольких километрах от нашего концентрационного лагеря. Возможно, что в полученном нами одеянии были и личные вещи этих несчастных, снятые или отобранные у них эсэсовцами перед их сожжением. Я и отец очень переживали, узнав об этом. Нам казалось, что эта одежда жжет нашу кожу, но с этим приходилось мириться, ибо другое нам не было дано, тем более, в это тяжелое зимнее время.

Хочется заострить ваше внимание на том, что я, получивший среднее образование и пять лет изучавший немецкий язык, с большим трудом объяснялся с немецкими евреями, а отец какими-то известными только ему путями, сразу находил с ними общий язык и они, как мне казалось, всегда понимали друг друга. Отец, зная, что я очень тяжело работаю, при первой же возможности просил кого-нибудь из них помочь ему определить меня на работу в кузницу. Он уверял своего напарника-кузнеца Вагнера, что моя работа в кузнице в качестве колесника поможет лучше и быстрее обслуживать хозяйство Людвига, в ведении которого находились не менее десяти лошадей, три из которых — специально для верховой езды начальства лагеря, а остальные — тягловые, запрягаемые в различного рода телеги, требующие постоянного ремонта и ухода. Думаю, что определение меня вскоре на новую работу в качестве колесника при лагерной кузнице явилось следствием неоднократных переговоров между Вагнером и Людвигом, так как без их помощи замена моего места работы не была бы возможна.

Наша совместная работа в кузнице ладилась, причем отцу частенько приходилось работать за нас двоих, так как в отдельных вопросах колесного дела я был профаном. Но я частенько помогал отцу и его напарнику в кузнечном деле, особенно там, где требовалось приложение значительной силы и ловкости. И отец, и Вагнер были мной довольны. Неожиданно о своем удовлетворении нашей работой заявил и Людвиг, который довольно часто навещался в кузницу, давая все новые и новые заказы. И все отцу было по плечу, в отличие от Вагнера, у которого квалификация кузнеца была намного ниже папиной. После нескольких месяцев совместной работы мы (отец и я) поняли, что только высокая

квалификации отца и мое появление в кузнице в качестве колесника спасли нас (уже в который раз) от неминуемой гибели. Вот как это произошло.

Как вам уже известно, фашисты привезли нас в Гростянецкий концентрационный лагерь для замены сожженных ими в расположенном рядом крематории части специалистов, работавших до этого в лагере. Такие акции фашисты проводили периодически. До нашего появления в лагере из хозяйства Людвиг таким путем были уничтожены кузнец и работник конюшни (оба советские евреи), поэтому на вакантное место кузнеца и был определен мой отец. Очередная такая акция проводилась летом (не помню, в каком месяце), причем заранее готовилась. Из каждого хозяйства отбирались жертвы, которых затем на автомашине за несколько десятков минут доставляли в крематорий, где их и уничтожали. Причем узникам об этом сообщали накануне, как о предстоящем переезде на другое место работы, где их ждут вакантные рабочие места по специальности. И когда накануне о переезде было объявлено Вагнеру и его жене (немецким евреям), мы были ошарашены этим известием, так как мы теряли очень доброго и чуткого человека, сделавшего очень много хорошего для нас. Ведь нам казалось, что первыми кандидатами в крематорий были мы, отец и я, а оказалось...

Утром семья Вагнеров, как и многие обреченные узники, вскрывшие в эту фальшивую информацию, спокойно уехали на скамейку в кузове автомашины и без охраны, на виду у всех узников лагеря, уехали в направлении центрального входа. Мы-то знали, куда. Чуть позже, анализируя случившееся, мы пришли к выводу, что на этот раз нашим спасителем оказался Людвиг. А вот чем он руководствовался, отправляя в крематорий семью Вагнера, а не семью Хаима (так Людвиг называл папу), тяжело сказать. В ходе дальнейшего повествования этот вопрос и другие вопросы, связанные с личностью Людвига, получат свое объяснение.

С первого дня нахождения в лагере я понимал, что больше перевалочных пунктов перед отправлением нас в крематорий не будет. Что по первому желанию руководства концентрационного лагеря, через несколько десятков минут мы будем уничтожены, да еще таким ужасным путем, как сожжение в крематории.

Стало абсолютно ясно, что только удачный побег сможет сохранить нам жизни. Но побег из концлагеря без знания системы охраны его, схемы размещения помещений на его территории и за его пределами и многого другого обречен на провал.

То, что концлагерь усиленно охраняется, мы увидели сразу, оказавшись внутри него. Густой высокий 4-6 метровой высоты забор с колючей проволокой и часто расположенные сторожевые вышки исключали возможность побега. А в надежности наружной охраны лагеря я смог убедиться лишь по простейшему значительного времени нашего заточения в нем.

Однажды трем узникам, включая меня, было приказано срочно подойти к центральным воротам лагеря. Сразу после нашего появления в указанном месте к нам на телеге подъехали два вооруженных автоматами эсэсовца, которые приказали следовать за ними. Причем предварительно один из них покинул телегу и зашел к нам в тыл. Оказавшись за пределами лагеря и пройдя метров 300-400 вдоль забора, мы остановились. Наши охранники прокричали что-то охранникам на двух сторожевых вышках и получили, по моему убеждению, разрешение приблизиться к забору. В 25-30 метрах от него мы увидели тела двух убитых женщин. Последовал приказ эсэсовцев погрузить на телегу эти два тела молодых женщин, хорошо одетых и убитых, видимо, за то, что приблизились к лагерному ограждению на запрещенное расстояние. После этого мы направились в сторону крематория и где-то в полукилометре от него, в лесистой местности, вырыли могилу и закопали изрешеченные пулями тела этих двух несчастных. Закончив операцию по захоронению, мы все вернулись в лагерь, причем точно тем же путем, включая переключку между охранниками и предварительное (до открытия лагерных ворот) посещение одним из них контрольного помещения. Мои переживания на протяжении всего пути следования как

туда, так и обратно, были ужасными, так как от этих фашистских галов в любой момент можно было ожидать пулю в лоб или затылок. Но, к счастью, (как мало надо человеку для этого) все обошлось.

Любой выход или выезд за пределы лагеря узника (или узников) тщательно готовился и контролировался фашистами. Поскольку я умел запрягать лошадей в телеги и знал приемы погрузки бревен в разводящиеся телеги (нарядчики), меня неоднократно отправляли в лес для отбора и среза деревьев, погрузки и доставки их в лагерь. О такой поездке я получал приказание заранее, причем указывалось место и время выезда и возвращения. Из лагеря ранним утром отправлялись в лес 3-4 телеги, на каждой из которых размещался один узник и один охранник с автоматом. Кроме того, каждый такой выезд сопровождался вооруженным фашистом с тремя злыми обученными бульдогами. В этих условиях, даже находясь за пределами лагеря, и в лесу, о побеге бесполезно было мечтать.

Проанализировав с отцом вопрос о побеге, мы пришли к выводу, что фашисты создали очень мощную и надежную охрану нашего концентрационного лагеря и что в этих условиях попытка к побегу равносильна самоубийству. Вместе с тем мы договорились, что в любой момент каждый из нас должен быть готов к побегу и что он может осуществляться только совместно. Отец, в связи с этим, обещал создать какой-то неприкосновенный запас продуктов и всегда его иметь при себе. Мы также договорились использовать малейшую возможность для побега, понимая и не считаясь с тем, что риск быть убитым при этом очень велик.

Между тем шли дни за днями. Эти однообразные дни жизни узника концентрационного лагеря, где каждый день мог стать и его последним днем, сглаживала трудная, изнурительная лагерная работа, которая не оставляла нам время на раздумья об ужасной своей судьбе. Мои воспоминания о нашей семье, об отдельных моментах ее довоенной жизни, об ужасной жизни в оккупированном Слупске, об ужасной гибели моей матери, братика и сестрички в гетто, о неизвестной судьбе брата и о своей и папиной неопределенности не покидали меня ни на одну минуту. Точно то же происходило и с отцом. Словом, жизнь продолжалась своим чередом, абсолютно независимо от тебя и без знания того, когда фашистские гады окончательно расправятся с тобой. Это страшная и ужасная жизнь!

К концу 1943 года мы, узники, почувствовали, что дела у немцев на фронте идут неважно. В лагерь все чаще начали заезжать автомашины, на которые погружались и вывозились ценности, награбленные и отнятые фашистами у расстрелянных и сожженных в крематории людей, причем погрузка ценностей проводилась только немцами. Награбленное хранилось на территории нашего концлагеря в специально построенных для этого бараках. Усилил свою работу и крематорий, который начал дымить круглосуточно, и едкий запах сжигаемых человеческих тел, доходящий до нашего концентрационного лагеря, вызывал тошноту у многих узников, в том числе и у меня.

В один из дней в кузницу зашел какой-то заслуженный немецкий офицер. После усилий с обеих сторон (папы и немца) выяснилось, что ему срочно необходимы клещи для выдерживания гвоздей (наподобие шипцов) и что здесь, в кузнице, ему должны очень быстро их изготовить. Понимая, что на изготовление такого заказа необходимо много времени, и что это может повлечь за собой большие неприятности, отец, порывшись в инструментальных ящиках, очень быстро нашел какие-то старые и ржавые клещи. Офицер одобрил находку и приказал отцу заточить захватывающие концы клещей и очистить их от ржавчины. Когда через небольшой промежуток времени они были приведены в порядок, офицер, посмотрев в мою сторону, приказал мне взять эти клещи и следовать с ним, причем я впереди, а он позади, корректируя мое движение жестами. Пройдя метров 200-300, мы оказались у бывшего колхозного амбара (а, возможно, конюшни), где офицер приказал мне зайти вовнутрь, а сам, в некотором отдалении от меня, зашел туда тоже.

Когда я оказался внутри амбара, то увидел нечто странное и ужасное. Буквально напротив меня в штабелях (наподобие крестьянских колодцев) были аккуратно уложены трупы убитых людей. Здесь же стояли десяток узников в окружении эсэсовцев. С моим появлением один из эсэсовцев кинулся ко мне, но увидев в моих руках эти злосчастные клещи, сразу забрал их. После этого мимикой спросил у сопровождавшего меня офицера, что делать со мной и, получив отрицательный его кивок головой, приказал мне быстро убираться наружу, что я бегом и сделал. За эти считанные минуты нахождения внутри амбара память зафиксировала две шеренги эсэсовцев с автоматами, стоявших во фронт друг к другу, образуя узкий корридор, по которому со стороны вторых ворот продвигались в нашу сторону, то есть к уложенным в штабеля трупам, узники, подгоняемые полицейскими, от чего я чуть не потерял сознание. Убегая от этого ужаса, я слышал периодические выстрелы и понял, что амбар был избран фашистами местом казни узников, подвозимых на автомашинах, с подготовкой их трупов для сожжения вместе с амбаром.

Когда я, еле переводя дыхание, добежал до кузницы, единственное слово, которое я сумел выдать из моих уст, увидя отца, это «бежим». Сам я не представлял, как и куда бежать, но я не хотел умирать такой смертью: пуля в затылок, укладка трупа в штабель с последующим сжиганием, причем с вытаскиванием нашими клещами зубов из драгоценных металлов у убитых или живых узников.

Отец, услышав мое слово «бежим», подхватил свой узелок, и мы вместе вышли из кузницы и двинулись... Как мы выбрались из лагеря, в каком месте оказались за его пределами, не помню. Да и как я могу помнить об этом сейчас, если уже тогда, в то далекое время, я не представлял и не понимал, как мы смогли выбраться из этого ада, и к тому же еще незаметно! Не иначе, как какой-то добродетель, зная незаметные тайные пути выхода из лагеря, каким-то образом помог нам. Возможно, охрана лагеря в это время слишком много внимания уделяла въезжающим и выезжающим автомашинам, в связи с проводимой акцией уничтожения узников. А, возможно, выбраться из лагеря нам помогла моя память, ценко фиксирующая пути возможного бегства во время поездок в лес за стволами деревьев для лесопилки. Как бы то ни было, но из концентрационного лагеря отец и мне удалось удрать и благополучно выбраться за его пределы.

Удалившись от лагеря на несколько километров, выяснилось, что мы бежали не одни. За нами скрытно увязался еврей из Германии Вальтер Штерн, работавший слесарем, и с которым мы встречались очень редко и мало что знали о нем. Каким путем он узнал о нашем побеге и почему он скрытно присоединился к нам, следуя по нашим стопам, осталось тайной из-за отсутствия времени для выяснения этого. Появление этого молодого человека сразу осложнило наше положение, так как наше общение осуществлялось в основном жестами и мимикой: он не знал ни одного слова по-русски, а мы не понимали его немецкий со специфическим произношением. Но поскольку ничего изменить мы не могли, мы втроем продолжили движение, стараясь как можно дальше уйти от лагеря.

Пройдя приличное расстояние и значительно удалившись от лагеря, мы решили передохнуть и перекусить. Подбирая место для этого, мы не заметили, как и когда к нам почти вплотную подошли два человека в гражданской одежде, вооруженных винтовками. Они резко по-русски спросили нас, кто мы и откуда. Не будучи готовы к такому вопросу и не зная, кто эти двое – полицейские или партизаны – мы замешкались с ответом, а наш немецкий еврей, неожиданно для нас по-немецки почему-то сказал, что мы – заблудившиеся немцы. После такого ответа эти двое обменялись взглядами и, давая понять, что удовлетворены ответом, показали жестом, что мы можем продолжать поиски своих, а сами удалились.

По прошествии некоторого времени они снова нас окликнули и сообщили, что они партизаны и что после нашего ответа (что мы немцы) хотели нас сразу расстрелять. Но заметив следы могоендовидов на нашей верхней одежде, они решили, что мы не

заблудившиеся немцы, а убежавшие из концлагеря евреи, и они хотят знать, кто же мы фактически. Нам ничего не оставалось делать, как выразить им благодарность за сохранение наших жизней и подтвердить, что мы действительно евреи. После этого наши отношения стали доверительными. Мы ответили на множество интересующих их вопросов, касающихся жизни в лагере. В свою очередь, мы попросили их помочь нам попасть к партизанам, на что последовал категорический отказ. И в объяснение его добавили, что приказано евреям без оружия в партизанские отряды не принимать. На наш недоуменный вопрос «Так что же нам делать?» последовал ответ: «Это ваша забота». И, увидев наше состояние после такого ответа, стали успокаивать нас тем, что в радиусе 50 километров, где положение контролируют партизаны, мы можем быть спокойны, что нас никто не тронет.

Разве такое мы ожидали, уходя из лагеря, где нас ежеминутно поджидала смерть? Из ужасного положения быть в любой момент убитыми в лагере, мы попали в кошмарное положение, оказавшись на воле: без пищи, без одежды и без крыши над головой. По существу мы опять были оставлены правительством нашего государства на произвол судьбы. На этот раз об этом «забыли» начальник Центрального штаба партизанского движения Пантелеймон Пономаренко, который в сентябре 1943 года запретил принимать в партизанские отряды бежавших из гетто.

Понимая, что положение наше тяжелое, но не безнадежное, мы, посоветовавшись, решили по-возможности продвигаться на юго-восток, приближаясь к линии фронта. Что мы и делали, максимально используя полученное накануне заверение, что на контролируемой партизанами территории мы можем пробираться, не опасаясь за свои жизни. В первом селе, куда через несколько дней пошел на разведку отец, как человек умеющий легко и непринужденно знакомиться и разговаривать с людьми, выяснилось лояльное отношение к нам, бывшим узникам концлагеря. Его там накормили и дали для нас какие-то продукты, что вселило в наши души некоторую живительную струю. Когда жители селений, которые мы посещали, узнавали, что отец по специальности кузнец и колесник, его заваливали работой, выполнять которую в дальнейшем приходилось всем нам. В награду за это нас подкармливали, разрешали находиться и ночевать в их сгонах сена или сараях и старались как-то заменить нашу потрёпанную и грязную одежду.

Через некоторое время мы вышли к великой реке - Березине. Сюда же начали подтягиваться партизанские отряды. Наши пути часто пересекались, но мы продолжали жить своей бродячей жизнью, а они готовились к встрече с советскими войсками, которые, громя немцев, продвигались на запад. Встречи с Красной Армией мы ожидали с нетерпением и были уверены, что она скоро состоится. Тем более, что при ветреной погоде до нас стали докатываться звуки артиллерийских канонад, и в небе часто появлялись советские самолеты, которые недалеко наносили бомбовые удары по военным объектам фашистов.

В один из дней, когда мы находились в каком-то селении, неожиданно в него вошло партизанское соединение. При разборке, кто мы такие и каким образом оказались здесь, стало ясно, что нам не верят, причем главным образом потому, что среди нас был немец Вальтер. Неоднократные мои и отца пояснения, что они ошибаются, что Вальтер не немец, а еврей из Германии, депортированный немцами в числе многих европейских евреев в Тростянец для уничтожения, не смогли убедить партизанское начальство. На нашу просьбу пригласить переводчика, чтобы из уст самого Вальтера, совершенно не знавшего русский язык, получить необходимую им информацию, последовал ответ, что у них нет переводчика и что они не могут из-за какого-то немца тратить столь много времени. После такого ответа нам стало ясно, что участь Вальтера решена, и мы бессильны ему помочь.

Окончательная проверка нас на лояльность по отношению к нашей стране, то есть к Советскому Союзу, закончилась необычным, неэтичным и нецивилизованным путем. нас всех троих попросили побеседовать с немецким солдатом, взятым партизанами в плен.

Мы, как смогли, рассказали ему о зверствах немцев по отношению к евреям. Он внимательно слушал, охал и возмущался услышанным, после чего заявил, что он солдат, а не палач, и что все это — дело рук фашистов.

Вальтер тоже побеседовал с ним, но мы не понимали, о чем. По окончании беседы два паризана, вооруженные автоматами, предложили нам всем четверым следовать с ними. Выйдя на окраину села и поднявшись на небольшое возгорье, партизаны предложили пленному немцу раздеться, а мне дали автомат и предложили расстрелять его. И когда я несколько замешкался, не понимая, почему я должен расстрелять человека, с которым пять минут назад беседовал и который заявил, что он не палач (а почему я должен стать таковым?). Вальтер выхватил у меня автомат и длинной очередью убил этого немца. Даже не закопав труп, мы все пятеро ушли на прежнее место. Через небольшой промежуток времени один из этих двух вооруженных партизан увел Вальтера, после чего мы его больше никогда не видели. Мне с отцом было заявлено, что мы можем определиться в этом селе, названия которого я, к сожалению, не помню, и дожидаться скорого прихода частей Красной Армии.

Ждать прихода наших пришлось относительно недолго, хотя переживаний было более, чем достаточно. Над селом почти каждый день пролетали на запад тяжело груженные советские бомбардировщики. Но иногда появлялись и немецкие самолеты, доставлявшие смертельный груз на восток, против советских войск. Звуки доносившихся артиллерийских канонад из дня в день становились сильнее, и наши войска, освобождая от проклятых фашистов оккупированные ими территории, приближались к нашему селу. Партизанское объединение покинуло село и, по словам самих партизан, двинулось на соединение с регулярными частями Красной Армии.

Помня наше бегство в поле во время неожиданного захвата фашистами нашего родного Слуцка и охоту немецких стервятников за каждым увиденным человеком, мы тоже покинули село и перенесли в ближайший лесок. Через несколько дней проживания в лесу мы с удивлением и радостью заметили, что артиллерийская канонада нас обошла и звуки ее слышны с противоположной стороны. Ясно стало, что бои прошли где-то недалеко от нас, но нашей местности не коснулись. А вскоре появились те, кого мы с таким нетерпением ожидали. Через село прошел большой кошмый армейский обоз с различного рода армейским грузом. Мы и жители села очень тепло встретили наших освободителей.

Появление в скором времени группы военных, подробно интересующихся жизнью каждого селянина, в том числе и нас, чужаков в селе, во время оккупации, принесли нам новые переживания и даже страх за будущее. А все началось с одного вопроса: как нам, двум евреям, удалось остаться в живых после того, как немцы расправились со всеми евреями, уничтожив их? Ни одно наше объяснение не было принято за правду. Все подводилось военными к тому, что мы являлись немецкими пособниками, поэтому немцы даровали нам жизнь. После целого дня допросов нас посадили в машину и отвезли в какой-то более крупный населенный пункт (и это название не помню) для каких-то уточнений. Здесь нас изолировали друг от друга и допросили на повышенных тонах и с большим пристрастием (но без применения физического насилия), стараясь добиться от нас каких-то «правдивых» показаний. Убедившись в бесплодности своей затеи, нас через несколько дней доставили в кабинет какого-то начальника (майора), который официально заявил, что мы свободны, и, в подтверждение этого, выдал каждому удостоверение личности. При этом мне было приказано незамедлительно явиться в комендатуру для определения на воинскую службу. Отцу же он посоветовал потихоньку добираться домой, в свой Слуцк, который скоро будет освобожден от фашистов.

Расставались мы очень тяжело. Вспомнили о нашем общем горе и о каждом члене нашей семьи, об их тяжелой участи и трагически оборвавшихся жизнях. Мы понимали, что, возможно (и скорее всего это так), мы видимся в последний раз, двое оставшихся и

живых из большой семьи Хаима Тройчанского. Ведь я уходил на войну, где собирался беспощадно мстить за погубленные жизни самых родных и близких мне людей. Отцу же предстояла далекая по тем временам и неизвестная, со многими препятствиями, дорога в свой родной город Слуцк, еще не освобожденный от фашистской нечисти. Словом, слез было пролито очень много, и наши души разрывались на части от предстоящей разлуки.

Первым ушел я. Я обнял отца, мы крепко расцеловались, у отца на глазах появились слезы и ... в путь. Отцу предстояло еще продумать маршрут движения, поэтому он отправлялся несколько позже. В комендатуре меня определили в группу призывников, находившихся на оккупированной немцами территории. В своей одежде и без оружия они, под командованием сержанта, учились маршировать строем, делать перебежки, отдавать честь, ползать по-пластунски и т.д. Два дня я вместе со всеми обучался солдатскому мастерству, а на третий день, когда привезли обмундирование и оружие, поступила команда получить военную форму и винтовку. В ходе операции по экипировке выяснилось, что кому-то не досталось обмундирования или оружия, кому-то ни того, ни другого. Мне же досталось все сполна.

Дальше события развивались с молниеносной быстротой. Нас доставили в какую-то войсковую часть, которая буквально через несколько часов вступила в бой с фашистами. Большая часть наших повобранцев, не прошедших боевой подготовки и плохо владевших стрелковым оружием, сложила свои головы в этом первом и последнем для них бою. А меня и на этот раз судьба миловала. После боя нас, оставшихся в живых и невредимых, определили в 755-ый стрелковый полк 217-ой стрелковой дивизии, и в составе ее трех полков я провоевал до окончания войны.

Фронтовые будни, которые для меня длились почти полтора года, были очень тяжелыми. Служил я в пехоте, где каждая атака (а сколько их было!) могла закончиться гибелью. Более того, здесь я обеспечивая бесперебойную телефонную проводочную связь между структурными подразделениями внутри батальона. Во время боя, когда вокруг рвутся снаряды, мины, бомбы и слышен свист пуль, а также во время артиллерийских обстрелов и налетов, в результате чего разрываются телефонные провода, ты обязан любой ценой (даже ценой жизни) и при любой погоде восстановить нарушенную телефонную связь, предварительно определив место и степень обрыва. И не случайно за время войны я был трижды ранен, в том числе один раз тяжело, и легко контужен. В связи с этим я более полугода находился на излечении в полевых военных госпиталях.

Воевал я неслухом, зная, с кем воюю, за что воюю и что я должен отомстить проклятым врагам за уничтожение нашей семьи. Очень хотелось, чтобы с фашистами, уничтожившими миллионы евреев, было как можно быстрее покончено и чтобы антисемитизму был нанесен сокрушительный удар. К сожалению, уже через несколько месяцев моего участия в этом великом сражении я понял, что антисемитизм пустил глубокие корни и что искоренить его практически невозможно.

Однажды, когда наша часть на несколько дней была отведена с линии фронта на отдых, ко мне подсел старший сержант Ленка Карташов (это имя и фамилию я хорошо запомнил) и неожиданно спросил: «Ты еврей?», на что я, естественно, ответил: «Да, чистокровный». Последовал вопрос: «Как тебя зовут по-еврейски?». Я ответил: «Лазарь». А затем, для большей убедительности, добавил: «Хаймович». Подумав недолго, он, обращаясь ко мне, воскликнул: «Нет, ты не еврей, ты не Лазарь!». И, передохнув, добавил: «Ты -- Лешка! У тебя дуца русская!» Это была хвалебная ода русского воина в мой адрес еврея-воина. Но ведь такое восклицание писквозь было пропитано духом антисемитизма! Мой же реальный вклад в разгром фашистской Германии был оценен советским правительством, которое за мужество и храбрость наградило меня двумя орденами Отечественной войны первой и второй степени и медалями «За отвагу», «За боевые заслуги», «За взятие Кенигсберга», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.».

В сражениях с фашистами на разных фронтах войны я прошел не одну тысячу километров. Тяжелые это были километры и бои с большими потерями живой силы и техники. Много человеческого горя я увидел за это время. Видел я, как призывников-новобранцев с оккупированных немцами территорий без какой-либо подготовки направляли в бой, а опытные солдаты называли их пушечным мясом. По существу, военачальники, посылавшие молодых ребят на верную смерть, являлись такими же преступниками, как фашисты, уничтожавшие еврейское население.

Многие тысячи воинов без надобности сложили свои головы лишь только потому, что Верховное Командование Красной Армии требовало освобождения или занятия какого-либо населенного пункта к празднику или по другому поводу, не считаясь с потерями. В середине апреля 1945 года, когда наши войска штурмом взяли город Кенигсберг и вышли к заливу Фриш Гафел, командование фронтом приказало нескольким дивизиям, в том числе и нашей 84-ой Гвардейской, срочно переправиться через эту водную преграду, ширина которой составляла более двух километров, и уничтожить немецкую группировку, закрепившуюся на косе. Немецкое командование только и ждало такой подарок и, дав возможность нашим войскам на своих примитивных плавсредствах приблизиться к берегу, накрыло их иквальноным огнем и почти всех утопило. К счастью, в последнюю минуту для нашей дивизии приказ был отменен.

Принимая участие в операции по освобождению Польши от нацистов, я часто встречал, а иногда и беседовал с освобожденными узниками немецких концлагерей. Страшно было смотреть на эти ходячие скелеты. И каждый раз при этом я вспоминал пережитое при немецкой оккупации и гибель своих дорогих родных. И каждый раз я посылая проклятия в адрес фашистов и, в первую очередь, их фюреру. Невольно возникал и образ брата Бориса, которого я не имел права считать погибшим, ничего не зная о нем.

Расставаясь с отцом, мы договорились, что как только Слуцк будет освобожден от фашистов, я напишу ему два одинаковых письма: одно на наш домашний адрес, а второе – на почту, до востребования, на случай, если дом наш разрушен. Как только мне стал известен адрес моей войсковой части, я написал таких два письма в надежде, что, пока они в условиях военного времени дойдут до адресата, Слуцк уже будет освобожден. Узнав, что Слуцк уже освободили, я, не дождавсь ответа, вторично отправил два аналогичных письма в те же адреса. Поскольку в течение нескольких месяцев ответа не последовало, я начал изрядно волноваться. Ведь отцу, чтобы добраться до своих родных мест, необходимо было потратить много труда и энергии, преодолевая различного рода неожиданности и всевозможные преграды. Единственное, что успокаивало, это частая смена почтового адреса в результате перевода меня из одного полка в другой. Это могло быть одной из причин неполучения ответа.

И вот совершенно неожиданно, месяца через три после отправки отцу второго письма, находясь в медсанбате на излечении после первого ранения, я получил долгожданное письмо из Слуцка, с нетерпением открыл его и убедился, что оно от отца. Письмо было очень подробное. В нем отец сообщал, что, к счастью, дом наш остался невредимым, сгорел лишь сарай и наша общая семейная радость – погреб. Повезло ему и в том, что появившись в Слуцке сразу после его освобождения от фашистов, он застал дом незаселенным, с пустыми комнатами. Как ему стало известно, после того как фашисты выселили нашу семью в гетто, наш дом занял Малибонка, тот самый гад из гадов, о котором я уже упоминал, и который, боясь возмездия за содеянное им в период оккупации, заранее покинул дом и убежал с немцами. Оказавшись в своем пустом доме, писал отец, он со всей силой почувствовал свое одиночество и невозможность смириться с тем, что из нашей семьи остались в живых только мы с ним. Но я далеко от него, воюю с фашистами, и поэтому отец просил меня беречь себя, хоть это и нелегко. Отец также просил сразу сообщить ему, если мне хоть что-нибудь станет известно о нашем Борисе, и заверил, что он будет сообщать мне все свои новости в последующих письмах. В тот же день я ответил

ему, успокоив, что я работаю телефонистом и мне здесь ничто не угрожает. Я попросил отца почаще писать мне письма, держать в курсе событий и пообещал делать то же.

Между тем война продолжалась: наши наступали, а немцы отступали. По мере нашего приближения к фашистскому логову сопротивление немцев усиливалось и, соответственно, наши потери возрастали. Мы, телефонисты-катушечники, очень хорошо это почувствовали на своей шкуре. Немцы, с целью получения разведывательных данных, зачастую подключались к нашим телефонным линиям и, по окончании данной операции, разрезали провода и откидывали концы на значительные расстояния друг от друга. Найти такое повреждение и восстановить связь, да еще в условиях интенсивного обстрела и бомбардировок, да еще ночью, было очень тяжело и очень опасно. А если добавить, что часто в этих местах немцы устраивали засады с тем, чтобы захватить языка, нам, телефонистам, никто из сослуживцев не завидовал. Не случайно на операцию по устранению обрыва отправляли двоих с тем, чтобы один занимался восстановлением связи, а второй – охраной. Сколько раз мне приходилось вступать в бой именно в таких условиях и терять фронтовых друзей! И каждый раз меня судьба миловала, если не считать полученные ранения.

Где-то к концу лета 1944 года я неожиданно получил письмо с неизвестным почерком на конверте, отправленное в мой адрес из какой-то войсковой части. Раскрыв треугольник (это была форма солдатского письма), я был удивлен и обрадован, увидев, что это письмо от маминного брата, моего дяди Володи (Велвула), из войсковой части, где он служил. Он сообщал, что воюет с фашистами в войсках маршала Жукова, что он наладил переписку с Ханмом (моим отцом), что знает о трагедии нашей (и своей тоже) семьи и что выражает мне свое соболезнование, чем, естественно, растрогал мою душу. Спустя несколько дней я ответил на письмо, но больше писем от него не получал. Не зная причины этого молчания, я был абсолютно уверен, что с дядей Володи все в порядке, так как из текста письма я понял, что служит он в каком-то штабе высокого ранга армейской группировки. К счастью, я не ошибся. Но об этом потом.

Второе письмо от отца я получил в необычных условиях, прямо перед форсированием реки Нарев в районе г. Маков, в Польше. Я даже не успел вскрыть письмо, врученное мне почтальоном, как началась переправа. Нам удалось отбить у немцев небольшой участок земли на противоположном вражеском берегу реки. Находясь в рядах наступающих и непосредственно участвуя в этом сражении, я о письме даже забыл, тем более, что прочитать его все равно нельзя было бы, а получив в этом бою тяжелое ранение – тем более. Это письмо я сумел прочитать и осознать лишь на третий или четвертый день, находясь в полевом госпитале на излечении.

Отец писал, что у него нет интереса к жизни, что душа ни к чему не лежит. Единственно чем он глушит тоску – это работой. Но здесь он допустил ошибку, приняв предложение вернуться на прежнюю, довоенную должность заведующего производством артели. В отличие от довоенного периода, у него нет хороших специалистов, так как большинство из них либо было уничтожено немцами во время оккупации, либо эвакуировалось. Поэтому к его руководящей работе прибавилась работа учителя и исполнителя. В письме отец также сообщил, что он познакомился с чудесной женщиной, которая помогает ему по домашнему хозяйству (варит, стирает, убирает и т.п.) и что неплохо было бы сойтись с ней и создать новую семью. По тексту письма чувствовалось, что ему очень хотелось бы знать мое мнение по данному вопросу.

Через несколько дней я отправил ответ отцу на его письмо, в котором просил его не хандрить. Если союз с этой женщиной поможет ему в дальнейшей жизни, то пускай создает новую семью, что вполне нормально, и пусть это будет счастливая семья. О себе я написал, что получил небольшое ранение в виде царапины на ноге, и что на днях меня вышлют в свою часть для продолжения службы.

Наступление наших войск продолжалось ежедневно, и ежедневно мы приближались к фашистскому логову. После госпиталя, где-то в конце января 1945 года, мне выдали новенькое обмундирование: английскую шинель, русскую телогрейку и американские ботинки. До части добирался несколько дней, и на место службы прибыл в канун готовящегося нового крупного наступления наших войск. Бой начался на рассвете и длился весь день, до позднего вечера. Крутом рвались мины и снаряды, над головой свистели пули, и неоднократно наши позиции бомбили и обстреливали вражеские самолеты. Мы несли большие потери. Рядом со мной неожиданно разорвалась мина или снаряд, меня оглушило и присыпало землей. Когда я пришел в себя, поднялся и огляделся вокруг, мне стало страшно от увиденного. Рядом со мной, в большой воронке, образовавшейся после взрыва, были разбросаны части и органы человеческих тел. А осмотрев себя и увидев, что моя шинель превратилась в решето, подумал, что я тяжело ранен, так как точно знал, что в первые минуты огнестрельные ранения не ощущаются. Сбросив изрешеченную шинель и пробитую осколками во многих местах телогрейку, я очень удивился, не увидев на теле ни капли крови. Долго я ощупывал себя, не понимая, как такое могло произойти, и так и не понял. Единственная мысль, которая появилась у меня в то время, это что кто-то, уже в который раз отводит от меня беду. А кто это — известно одному только Б-гу.

По всему чувствовалось, что война подходит к победоносному концу и что день Великой Победы не за горами. Но сколько еще человеческих жизней эта ужасная война заберет до ее завершения! Наша 84-ая гвардейская стрелковая дивизия, в которой я тогда служил, принимала участие в разгроме прусской группировки немецких войск и 8 апреля 1945 года непосредственно участвовала в штурме и взятии столицы Пруссии — Кенигсберга. Здесь я получил третье, и последнее в этой войне, ранение правой руки, а кусочек металла, застрявший тогда в плече, вот уже 55 лет ношу в своем теле.

Прусская группировка германских войск была очень сильна. Мощные доты и дзоты, различного рода береговые укрепления и другие фортификационные сооружения создавали большие трудности продвижению наших войск. Причем немцам, как говорится, терять было нечего, так как война шла на их территории и поражение ничего хорошего им не сулило. Ведь не случайно многотысячная немецкая группировка на косе, которую наше командование решило уничтожить с ходу, форсировав залив Фриш Гафен и потеряв при этом не одну тысячу военнослужащих, оказалась в плен нашим войскам строем только 12 мая 1945 года, и только после непрерывных бомбардировок и обстрелов их на протяжении 4 дней после подписания акта о капитуляции фашистской Германии.

День Победы! Как долго мы его ждали и как неожиданно он наступил! В ночь на 9 мая 1945 года, когда мы дислоцировались в каком-то лесочке вблизи прусского города Гумбинен (ныне Гусев), это радостное известие дошло и до нас, фронтовиков, постоянно находившихся на грани жизни и смерти и в любой момент рискующих быть убитыми или покалеченными. Разве можно передать словами восторг людей, почти четыре года живших и воевавших в тяжелейших условиях военного времени? Фейерверк огня боевыми зарядами из всех видов оружия, имевшихся на вооружении части, длился непрерывно на протяжении всей ночи. А утром стало ясно, что подписанный акт капитуляции некоторые войсковые части Германии и отдельные ее воины не считали обязательным для исполнения и продолжали свои боевые действия. Поэтому для нас, какой-то части советских воинов, война продолжалась еще несколько дней и, естественно, с убитыми и ранеными.

Самая ужасная война закончилась. Фашистская Германия была повержена. И радость победы, и слезы горести одновременно одолевали почти каждого жителя Советского Союза. Ведь в этой войне (как стало известно значительно позже) погибло 25 миллионов советских граждан и 6 миллионов евреев. Радуюсь вместе со всеми нашей Победе, я пролил и немало слез, вспоминая моих родных Мотеля, Хавела, маму Хасю,

зверски убитых фашистами, и брата Берсе, о судьбе которого ничего не было известно. Оплакивал я и свою поруганную молодость и судьбу паны, неожиданно ставшего вдовцом, потерявшего двух детей и не знавшего ничего о судьбе ещё одного сына.